Бесконечный октябрь

Алексей Стравинский

Алексей Стравинский

Бесконечный октябрь

«Автор»

2017

Стравинский А. А.

Бесконечный октябрь / А. А. Стравинский — «Автор», 2017

Волшебный вечер растворился в ночи, забрал с собой Янику. Подробности мистического исчезновение остаются за занавесом тайны. Полиция бессильна. Родные и близкие готовы отпустить несчастную. Только Аксей противится очевидным фактам и до последнего сохраняет веру в то, что девушка вернётся. Течение времени становится невыносимым, отчаяние у крайней точки. Переломный момент как никогда близок. Лишь после этих испытаний героя поприветствовали таинственные события, намекающие на присутствие Яники.

© Стравинский А. А., 2017
© Автор, 2017

Содержание

I 7
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Алексей Стравинский
Бесконечный октябрь

Пожалуй, осень – мое любимое время года. Ребенку, живущему в деревне, всегда доступны красоты природы. Летом – уходящие за горизонт зеленые поля пшеницы, дикие луга, покрытые цветами, реки и озера. Но летняя красота уступает осенней. С приходом осени мир окрашивается во множество оттенков. Осень приносит с собой долгожданную прохладу. Теперь повсюду стелется густой туман, который пахнет листвой и грибами. Осенние цветы ярче летних. Они будто хотят напоследок отдать как можно больше, прощально украсить уходящий в дремоту мир. Поля, недавно рыжеющие от пшеницы, теперь черны. Они будто нарочно надели самые темные наряды – лишь для того, чтобы белый снег на их фоне казался еще белее. Реки и озера впервые за год облегченно вздохнули: пришла долгожданная прохлада. Они стали тише, медленнее и чище, а вода – намного холоднее.

Осенняя красота вырисовывается на фоне далеких высоких гор, которые теперь тонут в бесконечных серых тучах. Эти серые тучи пришли на смену обманчиво невесомым, огромным облакам, которые иногда гуляли по небу летними днями и ночами. А теперь почти каждым осенним днем в небе можно увидеть сталкивающиеся друг с другом серые облака и для полноты ощущений не хватает лишь разносящегося над кронами деревьев и бесконечными полями грома. В любое время года эта природная красота дышит и живет чистотой, которой наполнен здешний воздух.

Самое красивое здесь – звездное небо. Искусственного освещения в деревнях практически нет: вот почему звезды над головой необычайно яркие. Бесконечное множество разнообразных созвездий, каждое из которых несет легенду, завораживает великолепием, древностью, загадочностью. Глядя на них, легко забыть о земных тяготах и невзгодах.

Мне всегда казалось, что осенняя луна ярче любой другой. Ее синева, цепляющаяся за туман, более насыщенна, чем в любое другое время года. Долгими осенними вечерами я мерз на улице, но это не мешало мне любоваться чистым небом, главной звездой которого была луна. В такие вечера мои мысли улетали куда-то вдаль, вслед за звуком сверчков и паром, который шел изо рта. Никакие силы не были способны оторвать меня этого.

В начальных классах я часто прогуливал. Я выходил из дома сразу после рассвета и отправлялся в свое убежище. Путь был недолгим. Пересекая огород сначала нашего, а потом соседского участка, я оказывался в кратере.

Это была воронка, оставленная снарядом времен войны. Спустя годы она густо поросла деревьями и кустарниками, которые стали дикому винограду простором для плетения. Даже в самый солнечный день здесь темно и прохладно. Мое любимое место, мое убежище, в котором царит тишина и покой – как внутри меня, так и вокруг.

Я доставал из потасканного рюкзака карандаш и бумагу и писал стихи. Моя фантазия отражалась в строках, которые с легкостью шли из моей головы.

Пасмурно. Временами срывается дождь. Но меня защищал купол ветвей. Я ловил каждое мгновение, которое уносило меня куда-то за край земли.

Как же здесь тихо… Лишь капли дождя, разбивающиеся об листву, далекий гул ветра и шум изредка проезжающих где-то машин.

Это место – настоящий дар. Но я не задумывался об этом. Я беззаботный и беспечный юнец, которому не нужно многого для счастья. У меня есть мое убежище, карандаш и бумага. Все остальное я беру из своей головы, которая пока не заражена бытовыми мыслями и повседневной суетой.

Я смотрю по сторонам. Вокруг меня все в золоте. На дворе осень. Конец октября.

I

– Аксей, просыпайся, а то снова заболит голова, – меня разбудил Насса. – Вставай скорее! Наступил новый день!

Семь утра. Как же мучительно просыпаться в такую рань. С большим трудом я уселся на кровати, не решаясь сразу вскакивать на ноги. Несмотря на то, что он произнес эти слова обычным голосом, да еще из соседней комнаты, они оказались достаточно громкими, чтобы пробудить меня. Я заставил себя выйти, чтобы проводить гостя.

Насса – мой единственный друг. Сейчас в моей жизни сложный период, и он заехал ко мне, чтобы помочь отвлечься. С момента его приезда прошло три дня – и вот уже он стоит у двери.

– В следующий раз сделаю дубликат ключей, – мои слабые ото сна руки едва провернули замок. – чтобы ты не будил меня в такую рань! – резковатым сонным голосом отрезал я в ответ.

Насса рассеянно улыбнулся. Видимо, не понял, что это была шутка.

– Нет уж, Аксей, следующая встреча у меня дома, и чем быстрее – тем лучше! – с доброй улыбкой ответил мне друг. – Я серьезно!

– Хорошо. Ты только успокойся, – сказал я, когда мы уже пожимали друг другу руки. – Счастливого пути! – я закрыл за ним дверь.

Я повернулся спиной к только что закрытой двери. Мои ноги едва напряглись, чтобы сделать шаг вперед, как я оперся плечами о то, что было позади. Я глядел в коридор сонными глазами, которые не находили перед собой ничего, кроме полумрака. На короткий, но отчетливый миг мне стало грустно оттого, что Насса уехал. Я снова один, снова… Это было бы не так уж плохо – но только не сейчас. Властвующая в квартире тишина с утра пораньше гонит меня из этих стен. Теперь я не могу подолгу находиться наедине с самим собой.

Не так давно все было по-другому. Всего пару месяцев назад. И все это время я ломаю голову: что же произошло в тот августовский вечер, который исчез, сменившись ночью – а вместе с ним бесследно исчезла и моя девушка. Она вышла из дома на пробежку, но обратно не вернулась.

Не было ни единой улики, ни малейшей зацепки. В полиции лишь разводили руками, говоря, что подобных исчезновений в нашем городе не было. Поиски продолжаются, но с каждым днем шансы на успех близятся к нулю.

На звонки она не ответила. К родителям она не приезжала. Прошло два бесконечно долгих и мучительных месяца.

Мне приходило много страшных мыслей. Бессонные ночи не давали покоя, навеивая ужасные картины о судьбе Яники. Я лежал с открытыми глазами, вслушиваясь в каждый шорох в надежде, что вот-вот услышу шум поворачивающегося в дверном замке ключа. Меня не покидало предчувствие, что в любой момент может зазвонить телефон. Я не выпускал его из рук.

Давящая тишина нередко выгоняла меня из квартиры. Среди холодных ночей я бродил по пустынным городским улицам, заглядывал в чужие дворы и подолгу разглядывал фасады домов.

Случалось, что я садился на какую-нибудь скамейку и засыпал. Вместо теплых прикосновений любимой девушки меня будил холод. Теперь он гнал меня обратно в пустую квартиру, в которой меня дожидалась тишина на пару с убийственным одиночеством.

Апатия накрыла меня с головой. Я уволился с работы. До этого я трудился в одной из лучших фирм города на должности эксперта. Моя работа заключалась в проведении анализа, который помогал выяснить причины неполадок в автомобилях, вследствие которых они попадали в аварии. Теперь работа и все, что с ней связано, в прошлом. Я перестал поддерживать связь со многими людьми, которые не так давно знали меня как открытого и общительного человека.

Насса время от времени приезжал ко мне на несколько дней. Пожалуй, только он не раздражал меня. Я даже рад его видеть.

Проводив друга, я пошел на кухню приготовить кофе. Меня угнетало, что я по-прежнему должен принимать пищу. Я перестал получать удовольствие от этого процесса. Еда казалась в лучшем случае безвкусной.

Три года назад я съехал от родных. Конечно, они не хотели отпускать меня, но я был настойчив. Внезапно городская жизнь оказалась не такой уж тяжелой. Я быстро устроился на хорошую работу, у меня появилось много новых знакомых. Все шло как нельзя лучше. Для полного счастья не хватало только второй половинки.

Вскоре судьба одарила меня и этим.

В один из многих вечеров этой жизни случилась случайная встреча, которая, как это зачастую бывает, оказалась совсем не случайной.

Прогуливаясь по парку, я заметил на одной из скамеек красивую девушку, которая с мученическим лицом держалась за ногу. Она была в спортивном костюме: явно бегала. Людей в парке практически не было. Если я не попытаюсь ей помочь – этого никто не сделает. Я уверенно направился к незнакомке.

– Девушка, что с вами? Вы позволите помочь вам?

– Судорога свела мне правую ногу.

Мне стало не по себе от ее выражения лица.

– Успокойтесь, вам нечего бояться.

– Вы знаете, как с этим справиться? – умоляюще спросила она.

– Конечно! Вы только успокойтесь, прошу вас, – я положил руку на ее хрупкое плечо. – Лягте на скамейку.

Взяв в руки ее ногу, я начал растягивать ее так, как это делают футболистам. Еще минута – и она наконец смогла расслабиться. С ее лица сошло выражение боли. Мне стало необычайно легко и радостно.

От наступившего облегчения девушка закрыла глаза. Ее длинные, немного вьющиеся темно-русые волосы переливались в свете вечернего солнца. Вдруг легкий и теплый порыв ветра нежно подхватил ее пряди. Насладившись моментом, она открыла глаза.

На меня буквально обрушился ее ярко-зеленый взгляд. Она пристально глядела на меня и на ее лице появилась теплая улыбка.

Я так растерялся, что в мою голову не пришло мысли умнее, чем попрощаться и попытаться уйти. Но, к счастью, она заговорила.

– Ох, так намного лучше! Огромное спасибо, – она играючи кивнула мне головой, пытаясь изобразить поклон. – Могу я узнать имя своего спасителя? – сладким голосом спросила незнакомка.

Она забросила одну ногу на другую и стала неспешно раскачивать ею. Ее глаза ярко сияли.

– Аксей, – я застенчиво заулыбался. Еще бы! Было чрезвычайно приятно, что такая красавица не решилась так просто отпустить меня. – А как зовут милую бегунью?

– А меня зовут Яника!

Наступил миг тишины. Я протянул ей руку, чтобы она смогла уверенно встать на ноги, без риска вновь свалиться на скамейку от боли.

Ее прикосновение было теплым и нежным. Через ее ладонь меня стало наполнять еще большее чувство покоя. Никогда раньше я не испытывал подобных ощущений. По сей день отчетливо помню каждое новое чувство, испытанное при первом прикосновении к этому нежному лепестку.

– Думаю, на сегодня бег окончен? – я попытался сделать тонкий намек. – Может, вы пощадите свою ногу и вместо бега просто погуляем?

Уверенно став на обе ноги, девушка задумалась. Внутри меня все сжалось.

– Аксей, давай перейдем на ты? – кокетливо предложила Яника.

– Конечно! – радостно согласился я. – Так как насчет прогулки? – спросил я уже более уверенно.

– С удовольствием, – скромно произнесла Яника. – Должна же я отблагодарить своего спасителя, – сказала она.

– Чудесно!

Моей радости нет предела. Я надеюсь, что это не сильно читается на моем лице.

Вечерний парк, в котором густо разрослись высокие дубы и ели, клены и березы. Ветер нежно треплет их макушки, попутно подхватывая осыпающуюся листву. Где-то поблизости шумит фонтан, бегают дети, а из пока еще густой листвы деревьев слышится пение птиц.

Пара неспешно прогуливается по центральной аллее. В их спины светит заходящее за крыши домов солнце. Разговаривая, они узнают друг друга все лучше и лучше.

День близок к концу. Его дело сделано. Он написал первые строки истории, которая не будет подвластна объяснению и логике. С завтрашнего дня все будет иначе. А сегодня еще есть время насладиться прогулкой по парку.

Кухня залита солнечным светом, который начал резать глаза. Я задернул окно шторами и сел за стол.

Попивая кофе, я зашел в Интернет почитать новости. На стене висит телевизор, но восхищения от его просмотра я не испытывал. Он включен лишь для того, чтобы звуки разбавляли поселившуюся в квартире тишину.

В моей квартире всегда чисто, свежо и прохладно. Окна в комнатах и кухне практически всегда открыты. Полки заставлены книгами, которые я с удовольствием читаю. На стенах висит много картин и фотографий, которые я порой подолгу разглядываю, то наслаждаясь работой художника, то упиваясь ностальгией по увиденным на фото моментам.

Допив кофе, я отправился в душ. Выходя оттуда, я уставился на отражение в зеркале. В нем я увидел парня с ужасно уставшим выражением лица. Его темно-русые волосы от влаги стали намного темнее. Взгляд прикован к собственному отражению. Но что он там видит?

Я смотрел на себя, пока зеркало не покрылось паром. Мне хотелось вытереть его, но я отдернул руку в нескольких сантиметрах от тонкой пелены пара на стекле. Мне не хотелось снова увидеть себя. Я жалок.

Вышел на балкон, чтобы выкурить сигарету. Смотрел на людей. Все они куда-то и зачем-то спешат. Не так давно и я был таким же. Но от того человека во мне уже давно не осталось ни единого следа.

Какая ирония… Сколько людей умирает в одном человеке, прежде чем умрет он сам? И можно ли воскрешать их в себе? Надеюсь, что да, ведь сейчас я не вижу будущего у того человека, которым мне пришлось стать, а мой нынешний образ вовсе противен мне.

Будь бы рядом Яника – все было бы иначе.

Я бы каждый вечер спешил с работы, покупая по пути что-нибудь вкусненькое. Я бы рвал для нее цветы и, придя домой, обнимал ее, и, глядя в ее глаза, тихо и нежно говорил:

– Ты лучшее, что случилось в моей жизни.

Я включил спокойную музыку. Под нее легче собраться с мыслями. Попутно переоделся.

Мои планы – сходить в участок, узнать, как продвигается расследование. После этого нужно съездить к родителям Яники. И сегодня же планирую уехать к маме и братьям.

Я привык, что голова может разболеться в любой момент. Выпиваю таблетки. Это последнее, что я делаю перед выходом на улицу.

Полицейский участок недалеко от дома и я решил пойти пешком. Выйдя из подъезда, я сразу же заметил, как изменилась погода.

Утром яркое солнце заливало квартиру, а теперь в любой момент может начаться дождь. Но меня это только радует. На улице стало свежее, да и пасмурная погода мне по душе. Под дождем дневные улицы становятся менее людными.

По дороге звоню маме предупредить, что приеду сегодня вечером. Я всегда стараюсь заранее предупредить ее, да и сама она росит меня об этом, объясняя, что ей нужно успеть приготовить к моему приезду комнату. Хоть кроме меня в ней никого и не бывает.

Еще вчера я не задумывался о поездке. Видимо, успел привыкнуть к компании Насса. Теперь я окончательно сойду с ума от одиночества, стоит только остаться в пустой квартире. Нужно ехать домой.

Одиночество… Не так уж оно и страшно, стоит лишь привыкнуть. А вот привыкнуть к нему – настоящая беда. Оно засасывает, словно трясина. Люди, сами того не замечая, начинают сходить с ума. Одиночество разрастается в них, точно раковая опухоль, которую больше никогда нельзя будет излечить.

Как много счастливых людей смотрят друг другу в глаза, за которыми скрывается эта страшная болезнь. Возможно, от подобных бед и существует лекарство, но мне оно неведомо.

В участке практически пусто. Несколько полицейских разгребают горы бумаг за столами. Еще двое караулят прикованного наручниками к стулу мужчину.

На нем нет живого места. Он весь в крови. Почему его держат здесь?

Он провожает меня пристальным взглядом. Я обхожу его самым дальним путем. Не хотелось бы оказаться рядом с ним.

– Пришел. Поглядите, кто пришел! – кажется, это в мой адрес.

Я не реагирую.

– Заткнись. Сиди молча! – огрызнулся один из конвоиров.

Добравшись до двери в кабинет капитана, я открыл ее, не дождавшись ответа на стук. Усталый мужчина роется в бумагах, которых на его столе куда больше, нежели у полицейских в холле.

– Добрый день, капитан Льюис. – Я протягиваю ему руку.

Встав, он ответил мне крепким рукопожатием.

– Здравствуй, Аксей. Присаживайся, – он указал на кресло.

Темнокожий здоровяк с добрым лицом, в годах, о чем красноречиво говорит его седина. Он ведет дело Яники с первого дня. Со всеми вопросами я всегда обращаюсь только к нему. Он шеф местной полиции.

Я присел. Идя сюда, я старался не обнадеживать себя. Они всегда говорят одно и то же:

«Никаких следов нет. Дело стоит, но мы делаем все, что в наших силах.»

Я уверен, что и сегодня не услышу ничего нового. Но как же мне хочется услышать, что они нашли хоть что-нибудь…

Несколько раз мне приходилось сдерживаться из последних сил. Однажды я хотел просто закричать на капитана, обвиняя его в том, что полиция бездействует… Но я знал, что это не так. В тот миг только это послужило дамбой, которая смогла удержать напор.

Капитан выдержал короткую паузу.

– Как ты, Аксей? Как твои дела?

У них снова ничего нет. Были бы хоть какие-то новости – он бы сразу перешел к делу. Меня охватывает невыносимое чувство разочарования. Неужели так будет каждый раз? Черт возьми.

Я встал и подошел к окну.

– Все хорошо, – сухо ответил я.

– Аксей, мы работаем. Прошло уже два месяца, но мы не сбавляем темп. Да, пока все тщетно, но мы будем искать ее до последнего.

– Я понимаю, Льюис, спасибо.

Капитан подошел ко мне, открыл окно и закурил сигарету. Я тоже закуриваю.

– Не происходило чего-нибудь необычного? Может, кто-то звонил? – тихо поинтересовался капитан.

– Нет, абсолютно ничего, – монотонно пробормотал я. – Ничего.

Капитан курит, глубоко задумавшись. Я искренне верю, что дело не дает ему покоя. Он делает все, что в его силах. Ситуация действительно сложная.

Наконец Льюис повернулся ко мне и похлопал по плечу.

– Мы обязательно найдем ее, Аксей!

Выйдя из участка, я снова закуриваю. В последнее время я стал курить намного чаще, а вот спать и есть – намного меньше.

Я усаживаюсь на первую скамейку, которая оказалась на моем пути.

Яника, где же ты? Что с тобой случилось в тот роковой вечер? Жива ли ты?

Вернись, прошу. Я еще столько всего тебе не сказал и не показал. У нас впереди целая жизнь, а, может быть, и больше. Я жду тебя.

Я буду сутками напролет рассказывать тебе, как сходил с ума, вслушиваясь в тишину и о том, как ты мерещилась мне в толпе прохожих.

Я буду долго рассказывать, как чувствовал аромат твоих духов в пустой квартире, как просыпался в одиночестве и мне казалось, что ты лежишь рядом со мной.

Каждый вечер я буду рассказывать, как боялся засыпать мучительными ночами.

Я расскажу тебе о моих ночных скитаниях по безлюдному городу, который и днем казался мне не менее пустынным. Огромный, живущий суетой мегаполис превращается в бескрайнюю пустошь оттого, что в нем не хватает лишь одного человека.

Я буду неотрывно глядеть в твои глаза, я сосчитаю каждый твой вдох, каждый взмах ресниц, каждое биение твоего сердца. Только вернись, Яника, умоляю.

Я никогда не думал, что она может просто бесследно исчезнуть, не оставив ни единого следа, забрав с собой все тепло, всю ясность разума, все краски жизни и сладость воздуха.

Знать бы, что все так обернется – я ни на секунду не отходил бы от нее. Так случается с каждым. Жить в вечном страхе невозможно. После подобных случаев мы начинаем безжалостно казнить себя: нужно было быть лишь чуточку внимательнее, осторожнее. Не допуская, что это дело случая, от которого никто не застрахован.

Погода настроилась окатить город ливнем. Стянулись тяжелые тучи. Начал моросить дождь. Я услышал далекий раскат грома. Где-то высоко в небе зарождается стихия. Через какое-то время балом будет править природа и люди разбегутся в разные стороны, ища для себя укрытие от дождя.

Городскую суету скрасят блики молний, раскаты грома и проникающий всюду холодный ветер. С деревьев полетит листва. Она будет долго кружить над городом, словно огромные хлопья снега. В конце концов этот вихрь ляжет на землю, укрыв ее плотным ковром.

Я решил отсидеться в кафе, чтобы не вымокнуть под холодным ливнем. Неподалеку есть уютное место: с мягкой удобной мебелью, спокойной музыкой и неброскими цветами интерьера. В это время здесь не очень много посетителей, а вот вечером часто и присесть некуда.

Я выбираю столик у окна.

– Доброе утро. Что вы будете заказывать?

– Здравствуйте. Мне, пожалуйста, черный кофе без сахара и булочку с корицей.

Мои ответ прозвучал намного холоднее. Надеюсь, она не станет принимать это на свой счет.

– Один кофе и булочка с корицей, – девушка повторила заказ и удалилась.

Я смотрю на улицу через большое окно. Начался грозовой ливень. Я представил, как сейчас шел бы под ним домой. От этих мыслей по рукам побежали мурашки.

В детстве я был счастлив попасть под такой дождь. Он был поводом для путешествий по лужам, бега с распростертыми руками и безотрывного наблюдения за радугой, если та появлялась. Придя домой, я каждый раз получал хороший втык от родителей. Раньше я обижался на них, но теперь понимаю: они кричали только потому, что переживали за меня.

– Пожалуйста, ваш кофе и булочка, – приятным голосом сказала девушка.

Я не слышал, как она подошла. Видимо, слишком глубоко погрузился в воспоминания о беспечном детстве.

– Спасибо.

– Булочка только из печи. Приятного аппетита.

Девушка покинула меня, одарив доброй улыбкой. Мне стало стыдно: я не смог найти в себе немного сил, чтобы ответить так же тепло.

Как всегда, здесь все очень вкусно. Попивая кофе, я прислушиваюсь к музыке, пытаясь вспомнить название песни, которая сейчас тихо разливается по кафе. С улицы доносится приглушенный шум грозы. По стеклу скатываются капли дождя, а над дорогой носится сорванная ветром листва.

Стихия в мгновение ока опустошила улицы от людей. Она словно моет город. Вместе со стремительными потоками воды под землю уносится вся усталость и рутина. Город ненадолго вздохнет свежим воздухом, и после вновь смиренно примет на себя тяготы серых будней. Возможно, после ливня над городом появится радуга – как добрый знак, что где-то случилось что-то очень хорошее.

Атмосфера в кафе становится все уютнее. Мне все теплее и теплее. Странно, но я начинаю ощущать спокойствие.

Я откидываюсь на спинку дивана. Закрыв глаза, я слушаю дождь, который звучит сейчас немного громче тихой музыки, что играет в кафе.

Я стою на краю обрыва. Вдалеке виднеются целые сады сухих и обгорелых деревьев, на которых множество черных как смоль ворон. Они – единственное, что приводит мертвые ветви в слабое движение.

Долина за обрывом залита сине-серебряным лунным светом, холодным, одиноким и безжизненным, а висящие тут и там вдалеке от нее редкие и полупрозрачные тучи кажутся совсем неподвижными. Этот свет создает ощущение беспрепятственного, полного погружения разума во все, что есть вокруг. Это был бы сон – но столь реалистичных снов попросту не бывает.

Мои босые ноги стоят на небольшом клочке сожженной травы. В нос бьет резкий запах сырого пепла, который лежит практически всюду, и он же крупными хлопьями валится с неба. Мои волосы подхватывает сухой ветер. Он донес до меня лишь отдающиеся эхом редкие, но проникающие в самое нутро крики воронья. Кажется, что кроме них в этой мертвой пустыне не осталось ничего живого.

Я немного отступаю от края. Обернувшись назад, я вижу за своей спиной старый дом, который, кажется, вот-вот рухнет под собственным весом. Его фасад постигла та же участь, от которой не смогли спастись и стоящие за краем утеса деревья. Через окна, точнее, через пустые оконные проемы видно, что изнутри он заполнен густой темнотой – настолько густой, что даже лунный свет не в силах ее разрушить. Я чувствую, как оттуда что-то зловещее смотрит прямо в мои глаза. Во мне нарастает чувство дикого ужаса.

– Яника!

Мой крик понесся эхом по безжизненной долине. С мертвых деревьев разом сорвались вороны и с карканьем полетели прочь. Только после этого мне на короткий миг пришло осознание, что в столь жутком месте я кричу имя своей любимой.

– Яника! – крикнул я вновь.

Мои слова вылетели изо рта вместе с паром. Резко похолодало. Меня начинает колотить. Я разворачиваюсь к обрыву. Пытаясь заглянуть за край, я делаю в сторону пропасти несколько осторожных шагов. Из-под ног выскакивает небольшой камень и стремительно летит вниз. Я пошатнулся, но смог устоять на ногах.

– Аксей! – позвал чей-то голос.

Кажется, звук идет из-за края утеса. Я снова заглядываю вниз. Внезапно оттуда, словно напор воды, бьющий из фонтана, снизу вверх вылетела стая ворон. Они сбили меня с ног. Я потерял равновесие и полетел вниз.

Свободное падение захватывает дух. Я кричу что есть сил. Чем ближе ко дну – тем темнее вокруг.

Этот голос, говорящий мое имя… Он все ближе. Кажется, я вот-вот увижу человека, который позвал меня на дно пропасти.

Почти у самого дна темнота становится настолько густой, что я будто я дышу ею. Падение замедляется. Теперь меня тянет ко дну через воду. Странный, тихий, стонущий крик врезается в мой разум. Все эмоции ушли. Меня наполняет странное ощущение равнодушия. Из меня вырывается чувство страшной душевной боли, но я не хочу его отпускать. Я не готов отпустить последние чувства, какими бы они не были, ведь без них внутри меня останется лишь пустота.

– Вы в порядке? Что с вами?

Я открыл глаза. Передо мной официантка. Она трясет меня за плечо. Я сижу в кафе.

– Да, все нормально.

– Ох и напугали же вы меня!

– Все хорошо, – я выдержал паузу, стараясь поскорее вернуть свой разум в прежний мир. – Просто дурной сон.

Она взглянула на меня с сочувствием и отправилась выполнять очередной заказ.

Вот так сон… Нужно успокоиться. Мне хочется быстрее покинуть кафе, чтобы не ловить на себе перепуганные взгляды посетителей.

Оставив на столе деньги, я вылетел на улицу. Снаружи я достал пачку сигарет и тут же закурил. Ливень прошел. Ветер ударяет мне в лицо и моментально прогоняет сон. Я понемногу прихожу в себя.

Всю дорогу я думал об этом сне. Раньше мой разум ничего подобного не выдавал; по крайней мере, настолько странный, пугающий и реалистичный сон я увидел впервые. Я закурил очередную сигарету, пытаясь собрать мысли в кучу.

– Это всего лишь дурной сон. Это просто сон, – пробормотав себе под нос эти слова, я почти успокоился.

Придя домой, я переоделся в более удобную для поездки на мотоцикле одежду. Я не стал брать с собой ничего лишнего. Все, что мне может понадобиться, вместилось в рюкзак. Автомобиля у меня нет.

С балкона полетела раздавленная о пепельницу сигарета. Закрыв окна и выключив свет, я накинул рюкзак на плечо.

На миг я замираю у двери в длинном коридоре. Я гляжу в пространство перед собой, словно прощаюсь. Мой взгляд остановился на фотографиях на левой стене. Убрав руку с дверной ручки, я подошел к ним.

Мы с Яникой то на море, то в горах, то в каких-то европейских городах. Мы дома лежим в постели, обнимая друг друга. Тут же висит и наш портрет, написанный одним умельцем. Я трогаю его рукой, будто поправляя.

Я вздрагиваю, точно проснувшись. Нужно поскорее уходить, пока меня не накрыло очередной волной. И снова я спасаюсь бегством. Бесполезное занятие, от которого мне становится незначительно легче, и происходит это лишь от того, что мозг переключает внимание.

Я открываю дверь. Переступив одной ногой порог, я снова бросаю взгляд в потемневший и опустевший коридор. Короткий миг – и моя вторая нога за дверью. Ключ проворачивается в замке. Я вызываю лифт, захожу в него и нажимаю кнопку с цифрой один. Дверь закрывается. Немного поскрипывая, лифт увозит меня вниз.

Я вышел не один. Нет такой двери, за которой можно оставить то, что накрепко въелось в нутро. За спиной я чувствую дыхание пустоты, тишины и одиночества. Я давно понял, что они будут преследовать меня вечно, или, что кажется совсем нереальным, но желанным, – пока я снова не встречусь с Яникой.

По дороге домой я заеду к родителям Яники. Пора навестить убитых горем людей, хоть и сказать мне им нечего. Но я давно у них не гостил, а этот визит, надеюсь, пойдет на пользу нам всем.

Тихий и мирный загородный поселок. Сразу и не скажешь, что рядом с ним большой город. Сплошь одно- и двухэтажные дома, которые утопают в осенней желтизне, и лишь все еще сильные в красках цветы, растущие в клумбах у домов, разбавляют собой повсеместное золото и красноту листвы.

Я оставляю мотоцикл у ворот и захожу во двор без стука. Немного обогнул фасад дома, я попадаю в сад. В нем под деревом беседка. В ней сидит мама Яники.

Женщина читает книгу. На столе стоит чашка с чаем, который наверняка уже давно остыл. Я молча зашагал к ней.

– Здравствуй, Аксей! – Маргарет поздоровалась со мной.

– Добрый день, – ответил я, стараясь сделать голос оживленнее и бодрее.

Она откладывает книгу. Ветер тут же начал перелистывать ее страницы, но женщина никак на это не отреагировала.

– Вот и я!

– Я тебя уже заждалась, Аксей, – говорит мне Маргарет.

– Как ваше здоровье?

– Не на двадцать лет, но все не так уж и плохо. Хочешь чаю?

Это предложение больше похоже на откровенную смену темы. Видно, что Маргарет болеет. Кожа ее побледнела, голос стал тише, да и прежней активности уже нет. Я не узнаю ее прежнего голубого взгляда, который за последнее время поблек, превратившись во что-то похожее на полупрозрачное, мутное стекло. В день нашей с ней последней встречи ее волосы никак нельзя было назвать седыми. На ее голове с большим трудом можно было отыскать хотя бы один белый волос, ну а теперь полголовы несчастной женщины будто осыпало мелом.

– Конечно, – я соглашаюсь только из уважения.

– Тогда я сейчас. Ты пойдешь со мной в дом или подождешь здесь?

– Я подожду вас здесь, хочу подышать прекрасным воздухом вашего сада.

Она отправилась в дом, а я остался в беседке, из которой открывался вид на небольшое озеро. За озером стелется дубовый лес. На дворе поздняя осень. Листва блестит золотом.

Здесь действительно есть чем любоваться. Сад засажен цветами, чьи ароматы смешиваются в единый, нежный запах. Астры, тюльпаны, бархатцы и, конечно же, красные розы. Все эти цветы сменяют друг друга в разное время года. Сейчас здесь властвуют хризантемы, окрашенные во все возможные для них цвета. Я даже заметил на цветах несколько бабочек, которым уже давно пора бы ждать своего часа в следующем году.

Вокруг царит тишина, нарушаемая лишь звуками природы. Маргарет умеет выбрать идеальное место для чтения. Фантазия не найдет препятствия для воссоздания тех картин, речей и персонажей, которые оживают во время чтения. Бесспорно: подобное место идеально подхо-

дит, чтобы книжный мир оживал именно так, как это задумывал автор. Хоть бы это действительно помогало ей отвлекаться и находить в себе силы для следующего дня…

Ветер вновь начал перелистывать страницы лежащей на столе книги. Он словно пытается найти среди множества строк одну, и делает он это спеша, будто стремится успеть. Я гляжу на страницы. На них падает тень растущей рядом с беседкой березы.

Ветер еще несколько раз перевернул одну и ту же страницу назад и вперед, после чего затих. Я заметил, что тень, падающая на страницу, напоминает руку с вытянутым вперед указательным пальцем. Я запомнил положение строки, на которую указывает тень, и взял книгу в руки. Там было написано:

«Иногда истина может быть не совсем там, где мы рассчитываем ее найти».

Я зацепился за эту фразу, так и не прочтя ничего дальше. Я не нашел в ней смысла, но она застряла в моей голове. Я вернул книгу на прежнее место.

В сад вернулся ветер. На сей раз он не стал перелистывать страницы книги. Теперь он покатился волной до самого озера. Я давно не наблюдал это удивительное зрелище. По праву сказать, я уже о нем и позабыл – но вот оно, это природное творение. Ветер, словно морская волна, понесся к озеру, нарушая на своем пути покой всего, над чем он властен. По поверхности воды побежала рябь, в которой заиграли все еще теплые лучи октябрьского солнца. Через несколько мгновений загудел дубовый лес. Хоть он не так уж и близок к саду Маргарет, шелест сухих листьев добрался и сюда.

Мне горько смотреть на все это и не видеть здесь Янику. Я очень редко бывал в этом доме без нее. Может, от силы пять раз за несколько лет. А за последние два месяца я побывал здесь уже больше десяти раз – но так и не привык к тому, что ее здесь нет.

Мой взгляд вновь прикован к озеру. Ветер скользит по моей коже. Меня это успокаивает. В раздумьях и воспоминаниях я потерял чувство времени. Не знаю, сколько бы я так просидел, если бы не вернулась Маргарет.

– Вот и чай пожаловал! – тепло сказала она.

Маргарет несет чай на подносе. Я встаю, чтобы помочь. Я забрал поднос из ее рук и аккуратно поставил его на стол. Женщина смущенно заулыбалась. Видно, она успела отвыкнуть от подобных любезностей.

Раньше в ее доме почти каждый день были гости, а на праздники часто и присесть было некуда. Люди приходили в этот дом с радостью, ведь они знали, как хороша его хозяйка, а компании здесь собираются самые приятные.

Но теперь у нее нет желания кого-либо видеть. Повода для радости нет, а говорить о судьбе Янике – бередить раны. Осталось несколько человек, с которыми она готова оставаться наедине, и я в их числе.

Это похоже на то, как я остаюсь наедине с Насса, присутствие которого только лучшему. Не так давно я знал эту женщину, как всегда улыбающегося, открытого, гостеприимного и счастливого человека… Теперь она только и делает, что день ото дня читает в одиночестве, а в перерывах губит себя сладкими воспоминаниями, которые навеивают горечь и боль.

Маргарет разлила по чашкам ароматный чай с чабрецом. К нему она принесла свою фирменную шарлотку. Все очень вкусно. Благодаря здешнему воздуху у меня появился аппетит. Горячий чай хорош на слегка прохладном воздухе.

– Как поживает Седрик?

Я спрашиваю об отце Яники, с которым не виделся уже почти месяц. Похоже, дома его нет.

– Не жалуется, – она сделала несколько глотков чая. – Наверное, хорошо притворяется.

– Понимаю, – тихо брякаю я в ответ.

– В последнее время он стал намного реже бывать дома. С головой уходит в работу, да и помимо нее загружает себя всевозможными делами, – монотонно говорит Маргарет.

– Быть занятым – лучшее лекарство, – задумчиво вставляю я.

– От чего?

Этот вопрос оказался для меня абсолютно неожиданным. Я не знаю, что ответить.

– От странных мыслей, например, – неуверенно, но резко проронил я.

– Это не лекарство, а временное утешение, – хмуро сказала Маргарет. – Может, и не стоит так обобщать, ведь я сужу со своей колокольни, но тем не менее.

Она вновь делает несколько глотков чая. Поставит чашку на стол, она сложила рядом с ней ладони, скрестив бледные пальцами.

– Бесполезно это все, дорогой. Ты не слышал, как он стонет во сне, а что еще хуже – его разговоры сквозь сон, в которых он то и дело упоминает ее имя.

Холодный ветер качает усохшие цветы на клумбе Маргарет. Вера в лучший исход погибла внутри этой женщины вместе с этими некогда полными жизни растениями. Так все и заканчивается – хотим мы этого или нет. Я буду последней веткой хризантемы в этом саду, которая умрет не от засухи, а от мороза. Зимние дни и ночи щедро засыплют снегом этот промерзший насквозь цветок. По весне снег превратится в воду. Эта вода унесет меня в те места, куда попадают все погибшие мечты, надежды и желания – какими бы сильными они не казались. Если чьи-то мечты и попадают в подобные, никому неведомые места – ответ один: они были недостаточно сильны.

Я слышал, Маргарет, я все слышал. Сколько ночей я спал, и вдруг, просыпаясь с мокрыми глазами, понимал, что притащил за собой из снов душевные муки, которые в доли секунды сжимают грудь в тиски и безжалостно выдавливают из тебя последние силы.

Дамба, сдерживающая все плохое, что скопилось внутри, рушится – и начинается потоп, от которого нигде не скрыться. После подобных ночей я подолгу боялся смыкать глаза.

Оставшееся время мы пили чай в тишине, лишь изредка перебрасываясь фразами о саде и о том, как идут мои дела в городе. Я понял: Маргарет приняла, что Яника уже никогда не вернется. Возможно, это просто способ самозащиты.

Но я так не могу. Я боюсь, что если попробую вести себя подобным образом – то комфорт от смирения погубит веру в то, что она жива. Я сопротивляюсь этому, как могу. Я не знаю, насколько меня хватит. Но я буду гнуть эту линию до последнего вздоха – который, впрочем, в таких условиях может наступить намного раньше, чем мне уготовано.

– Когда ты снова заедешь, Аксей? – мы выходим на улицу. Она провожает меня. – Мы ведь всегда ждем тебя, помни об этом.

– Сегодня вечером я планирую быть у мамы. Не знаю, как долго я там пробуду.

– Заезжай сразу же, как только снова приедешь в город, – Маргарет пробежалась по мне взглядом. – Береги себя, родной!

– До скорой встречи, Маргарет. И вы тоже берегите себя, – в ответ она заулыбалась.

Я завожу мотоцикл и трогаюсь с места. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, я увидел Маргарет, которая все отдалялась и отдалялась. У меня возникло чувство, будто это не я уезжаю от нее, а она уходит от меня. На миг мне показалось, что она покидает нас всех. С этой грустной мыслью я покинул дом убитой горем женщины. Как бы мне хотелось, чтобы наша следующая встреча состоялась уже в другом свете – но этот свет ушел вслед за исчезнувшей в ночи Яникой.

Вокруг меня поля, то уже вспаханные и черные, то зеленые, засаженные озимыми. Приятно мчаться через открытое пространство среди осенней природы. Вдали виднеются ярко-красные полосы деревьев. Лишь изредка дорога несильно извивается. Она всегда напоминала мне дорогу, лежащую через какую-нибудь мексиканскую пустыню – но там кругом песок, кактусы и вдали рыжие горы, а здесь дорога стелется сквозь разноцветные, в зависимости от времени года, поля и деревья.

Воздух здесь влажный, над головой тяжелые тучи, с которых в любой момент может сорваться дождь. Зимой в этом месте не видно края заснеженным просторам. Только черная полоса асфальта, уходящая вдаль, резко выделяется на белом фоне. Как и на дороге через пустыню, встречный автомобиль в этом месте – редкость.

Я сделал остановку. Кемпинг на краю дороги для этого как нельзя кстати. Закурив, я решил позвонить Насса. Друг ответил мне практически сразу же.

– Привет. Уже соскучился? – он, как обычно, в хорошем настроении.

– Да. Причем настолько, что уже собрал вещи. Сегодня еду домой.

– Рад это слышать, друг! Только что-то ты поздно надумал. Поедешь в потемках?

– Ну и что? – недоумеваю я. – Да и к тому же я уже больше часа в пути: скоро приеду.

– Дерзай, я верю в тебя! – Насса произнес это будто лозунг. – Только осторожнее там, хорошо?

– Можешь не переживать, Насса. Все будет хорошо.

– Когда заглянешь ко мне?

– Через пару дней готовь красный ковер, по которому я пройду в твой дом, – шутя, ответил я.

– Да ради такого я постелю десять, двадцать красных ковров!

– Хорошо-хорошо, – сказал я, успокаивая разошедшегося друга. – Ладно, Насса, мне пора ехать дальше. Я позвоню тебе позже.

– Обязательно. Жду.

– Счастливо.

Мотоцикл успел остыть. Даже рукоятки стали намного холоднее обычного. Я обхватываю их как можно сильнее. Приятный холод отвлекает меня.

Поля остались позади. Теперь дорога стелется сквозь сосновый лес. Как же тихо вокруг. Даже высокие сосны задумчиво молчат. Здесь нет ни единого звука. Нет ни птиц, ни ветра, и машин тоже нет.

Я вглядываюсь в темноту, которая постепенно начала окутывать стволы деревьев. Такое чувство, будто все живое в ней умерло. Она наполнила собой всякую жизнь и продолжает разрастаться, губя все, что оказывается на ее пути.

Наверное, и во мне поселилась точно такая же тьма. Мне никуда от нее не деться. Я обречен. Может быть, во мне она разрастается медленнее, чем вокруг, но это лишь вопрос времени.

Послышался треск веток. Сквозь набирающие силу сумерки я увидел, как из леса кто- то бежит в сторону дороги. Я пристально всматриваюсь, будто боюсь пропустить что-то важное. Из тьмы на дорогу выбежал крупный волк. На миг мне стало страшно, но я быстро понял, что не интересен ему. Животное остановилось на обочине. Кажется, он пытался сориентироваться, в какую сторону бежать дальше. Это не заняло много времени. Волк перебежал дорогу в нескольких десятках метров от меня и снова скрылся в лесной глуши.

Я задумался. Волк движется сквозь мрак, не взирая ни на какие преграды. Его ничего не страшит. Зверь следует к своей цели, пусть она и далека. Он находит в себе силы двигаться вперед, не взирая ни на что.

Мне пора ехать. Нужно двигаться дальше. Моя жизнь продолжает вести меня и мне интересно знать, что она мне уготовила.

Спустя полчаса движение стало оживленнее. Я на полпути к дому. Порядочно стемнело. Лунный свет начал окрашивать появляющийся местами туман в голубой цвет. Я начинаю мерзнуть. Если я поеду медленнее или остановлюсь где-нибудь погреться – попаду домой куда позднее, да и на улице за это время станет лишь холодней. Поэтому я останавливаюсь лишь один раз – у железнодорожного переезда, чтобы пропустить неспешно плывущий по рельсам поезд.

Подъехав к дому, я заглушил двигатель и неохотно снял шлем. Голову тут же окутало холодом. По всему телу пробежали мурашки. Таковы октябрьские ночи.

Первое, что я слышу – мерное пение сверчков. Над головой мерцают яркие звезды. Какая красота! Трудно оторвать себя от такого зрелища, но холод беспощаден.

Я не стал загонять мотоцикл во двор, чтобы никого не разбудить. Но я напрасно переживал по этому поводу: меня ждут.

Вхожу в дом. В прихожей мама и оба брата. Мама подошла ко мне практически сразу , как только моя нога пересекла порог. Ее приветствие началось с крепких объятий.

– Здравствуй, сынок! Как хорошо, что ты приехал!

– Здравствуй, мама. Как ты себя чувствуешь? – я закрыл дверь свободной левой рукой.

Она отпускает меня, целует и немного отходит назад.

– Аксей, все хорошо! Жаловаться, слава богу, не на что.

Мама выглядит очень бодро. Я бесконечно рад видеть ее. Она немного ниже меня ростом. На ее лице сияет теплая и искренняя улыбка. Ей уже пятьдесят лет, но она выглядит значительно моложе. Почти всю свою жизнь она проработала бухгалтером. Я никогда не мог представить ее работающей в саду, копающейся на грядках. Теперь же она только этим и занимается – сад, дом, огород. На ней кухня, в которой всегда есть что-то вкусное. Конечно, братья помогают ей, но я всегда думал и буду думать, что на ней слишком много хлопот.

Мой старший брат Дэнис – инвалид. Он отстает в развитии, но это не так страшно, как может показаться на первый взгляд. По большому счету он лишь ребенок, живущий в теле взрослого человека. Сейчас ему уже почти тридцать лет, а сколько ему в душе – никому не известно. Многие местные относятся к нему как к недалекому, хотя, если хорошенько разобраться, он бывает прав во многих вещах, и порой рассуждает лучше многих «нормальных». Многие селяне считают оскорблением тот факт, что человек, имеющий инвалидность, способен заставить разумного человека чувствовать себя глупее него. Я считаю, что ему тяжело в обществе. Точнее, обществу тяжело с ним – ведь он-то как раз не переживает, что о нем подумают и всегда говорит что думает. А это мало кому нравится.

Иногда он становится настоящей бедой. Сжечь по весне сухую траву – запросто, наорать на полицейского – никаких проблем, а поругаться с соседом – вообще одно из его любимых занятий.

Но он всегда радует меня. Его присутствие вызывает на моем лице искреннюю улыбку. Он чистый изнутри и искренен наружи. У него очень много хороших качеств, которые не помешало бы иметь некоторым людям из высших слоев.

– Привет, Аксей! – Дэнис протянул мне свою руку.

– Здравствуй, брат! – вместе с рукопожатием я хлопаю его по плечу.

– Джереми, здравствуй! – я протягиваю руку среднему брату.

– Привет, Аксей!

Джереми двадцать восемь лет. Он настоящий книжный червь. После школы Джереми нигде не учился, но он знает столько, что с легкостью может писать энциклопедии.

Он, как и Дэнис, немного выше меня ростом, худощав и носит бороду. Практически все свободное время он читает. Иногда выбирается на озеро или в лес. Но делает из этого настоящее путешествие, с заранее проложенными маршрутами, с уже выбранными местами для привалов и поставленными задачами. В детстве мы вместе с Насса и Дэнисом нередко отправлялись с ним в подобные походы.

Еще увлекается всем мистическим и сверхъестественным. Порой это меня пугало, но я понимал: он никому не навредит. А сам я с годами стал убежденным скептиком, живущим лишь в реальном мире.

– Привет, Аксей! – у брата, как всегда, спокойный голос. – Как доехал?

– Без происшествий, – отвечаю я.

– Это хорошо, – кивая, говорит Джереми.

Мама с братьями не сводят с меня глаз. Я соскучился по ним и они тоже скучали без меня.

– Такое чувство, будто год не виделись!

– Да, Дэнис, ты прав.

Дома мне легче. Я знаю, что здесь меня всегда ждут. Я знаю, что на свете есть место, где меня всегда примут и помогут всем, чем только смогут. Я вырос с ними. Они – моя семья.

Конечно, каждому из них известно, что я сейчас переживаю. Они будут стараться всячески залечить мои раны, хоть это и безнадежно. Каждый из них пожертвовал бы многим, только бы мне стало легче. Так бы поступил и я, случись бы подобное с кем-то из них.

Я помню, как мама плакала ночами после смерти отца. Тогда мне было тринадцать лет. В таком возрасте я не осознавал всю тяжесть ситуации. Мама осталась с тремя детьми на руках. Мы не отходили от нее ни на шаг, встречали и провожали с работы, готовили ей сюрпризы, заходили по ночам в ее комнату, чтобы посмотреть, не плачет ли она, а если она плакала – ложились спать рядом с ней. Мы говорили, что любим ее, а в ответ она начинала плакать, снова и снова.

Но она справилась. На нее была возложена огромная ответственность в виде трех детей, которых нужно воспитать и вырастить. И вот мы стоим перед ней, высокие, крепкие, взрослые и здоровые.

– Сынок, я уверена, что ты голоден. Идем на кухню!

Мама всегда накормит до отвала. Я не знаю, как ей отказать. Но дорога была настолько долгой и холодной, что сейчас я хочу лишь поскорее забраться в теплую постель.

– Мама, братья, вы простите меня? Я порядочно промерз, пока ехал сюда. Сейчас мне хочется лишь поскорее лечь. Я боюсь заболеть.

– Какой разговор? Конечно, Аксей, – первым ответил Дэнис.

– И я не против, – добавил Джереми.

Мы все смотрим на маму.

– А я против! – резко заявила она. – Но понять тебя можно, – сменив тон, согласилась.

– Ну, тогда я пошел к себе! Спокойной всем ночи.

Мама провела меня в комнату. Она достала свежее белье и спросила, нужно ли будить меня утром. Я сказал ей, что мне не помешает выспаться.

Я на самом деле жутко устал. Меня уже валит с ног. Мы пожелали друг другу спокойной ночи, и мама пошла к себе. Переодевшись, я выключил свет и наконец-то лег. Теплая постель окутывает меня с ног до головы.

Сквозь окно в комнату падает лунный свет. Через него видны и звезды. Мои мысли летают где-то среди них. Навязчивые терзания оставили меня в покое. Я погружаюсь в сон.

Что-то теплое и нежное ласкает мое лицо. Немного приоткрыв глаза, я увидел, что комната залита светом восходящего солнца. Яркие цвета, наполняющие все вокруг теплом, нежно согревают мою кожу.

Но я еще не отошел ото сна. Я снова и снова закрываю глаза, медленно погружаюсь в сон, но упрямый свет с нежностью будит меня вновь и вновь.

Я в очередной раз медленно приподнимаю веки. Точно по центру окна я вижу чей-то окутанный сиянием силуэт. Он медленно протягивает свою растворяющуюся в красках руку, будто пытается к чему-то прикоснуться. Мои веки снова опускаются.

– Аксей, пора. Просыпайся.

Я понемногу открываю глаза. Я вижу у окна силуэт девушки. Ее рука тянется ко мне. Я узнаю голос Яники и это мигом пробуждает меня. Я вскаиваю.

Силуэт на месте. Встаю на теплый от солнца пол. Медленными шагами двигаюсь в сторону силуэта девушки, которая должна быть Яникой.

С каждым моим шагом в ее сторону она отдаляется от меня. Я ускоряюсь – она отдаляется быстрее. Чем ближе я к окну, тем сильнее меня ослепляет солнечный свет. Еще пара шагов – и я уже ничего не вижу. Вокруг лишь теплый, яркий, нежный свет.

– Проснись же наконец! – молящий голос Яники где-то рядом.

Я открываю глаза. Комната наполнена молчаливой утренней прохладой. Еще достаточно темно. На часах без четверти семь. Скоро взойдет солнце.

Некоторое время лежу в постели, пытаясь уснуть.

Очередной дурацкий и в то же время прекрасный сон, в котором я снова видел Янику. Почему я не смог остаться там навечно, рядом с ней…

Сейчас сумрачное утро. Впереди очередной день. Я выхожу из комнаты. В коридоре тишина – все еще спят.

Я решил немного пройтись по просторному дому. С момента моего переезда в нем практически ничего не изменилось. В каждой комнате стоят горшки с цветами, на стенах много фотографий. Я смотрю на снимки. Отец и мама держат меня и братьев на руках, на следующем фото я играю в машинки. Есть несколько фотографий родителей в молодости.

Пройдя в конец коридора, я увидел на стене нашу с Яникой общую фотографию. Ее руки держат мое лицо, мои руки на ее шее. Мы целуемся с закрытыми глазами. Как-то раз Насса решил незаметно нас сфотографировать. Он говорит, что люди лучше всего получаются на фото, когда не знают, что их фотографируют.

Придя на кухню, я поставил чайник. Утром только черный кофе без сахара. Он очень горяч и я разбавляю его водой. Взяв чашку в руки, я подошел к большому кухонному окну. Из него открывается вид на появляющееся над горизонтом солнце. Я вижу крутой спуск, начинающийся от края сада, и заканчивающийся вдалеке полосой высоких тополей. Низина его укутана туманом, который понемногу тает.

Я спускаюсь во двор с чашкой в руках. Первым делом выхожу на улицу посмотреть, на месте ли мотоцикл. Его покрыли маленькие капельки росы. Они сорвалась вниз при первом прикосновении к рулю. Я ставлю чашку на асфальт и закатываю мотоцикл во двор. Его ручки чертовски холодные.

Когда-то отец сделал во дворе широкие качели. Я уселся в них, предварительно смахнув голой рукой с их поверхности все ту же росу. Закурив сигарету, я начал медленно раскачиваться, допивая остывающий кофе.

Вот так да. Мама уже работает в огороде. Ранняя же она пташка. А я-то думал, что все еще спят. И что можно делать на грядках в такую рань? Докурив и допив кофе, я отправился к ней по сырой земле.

– И это ты так высыпаешься? – насмешливо спросила мама, не отрываясь от дела.

– Да я выспался. Деревенский воздух творит чудеса! – сказал я с гордостью.

– Ты посмотри! Давно ты стал городским?

– Мама, я всегда считал себя деревенским парнем. Иногда я даже горжусь этим, – деловито кивая, стал оправдываться я.

– Рада слышать, – мама бросила пучок травы в сторону и выпрямилась. – Как ты себя чувствуешь? Температура не поднялась?

– Все хорошо, мама. Не беспокойся.

– Слава богу, – довольно брякает мама. – Скоро будем завтракать. Я закончила. Идем в дом.

Мама отправилась на кухню, а я пошел в душ. Он быстро привел меня в чувства. Я почистил зубы, побрился и пошел к себе, чтобы переодеться. Когда я пришел на кухню, все уже были за столом. Я присаживаюсь на свободный стул. Мой завтрак уже готов.

– Приятного аппетита, семья! – бодро говорю я.

В ответ я слышу «спасибо» и «взаимно».

Яичница с беконом, запеченные овощи и мамины фирменные соления. Я обожаю их с детства. К чаю, а в моем случае к кофе, мама испекла оладьи и подала их с клубничным вареньем.

– Недавно сосед сказал мне, чтобы я побрился! Можете себе такое представить? – начал Дэнис. – Так он потом еле ноги унес, да так далеко, что точно не расслышал все теплые слова, которые посыпались в его спину, – момент тишины, и он добавляет: – Соседушка.

По дому понесся звонкий смех. Шутка действительно удалась. Смех затихает, и я интересуюсь у брата:

– Дэнис, тебя тут никто не обижает? – я спросил вполне серьезно.

– Да я сам кого угодно обижу! – недоумевая, ответил Дэнис.

Он вытянул над столом руку и сжал ладонь в кулак. Качнув им несколько раз, он вернулся к еде. Грозное оружие. Руки его не так уж и велики, а вот кулаки – словно молоты. Обычно такие здоровые руки у плотников, столяров или рабочих на заводе.

– Ну, с этим не поспоришь, – сказал Джереми. – Припоминаешь, как на прошлой неделе отделал пьяного мужика, который начал кричать на меня?

– А то. Быстро же он понял, что не на того напал, – гордо сказал Дэнис, жуя яичницу.

– Я тоже буду долго помнить это, деятели! Натворили дел и пошли довольные собой к реке, а я потом еще долго объясняла полиции, что же тут произошло, – хихикая, добавила мама.

По дому снова понесся смех. Как же мне с ними легко и приятно. Они не навязчивы, они не спрашивают лишнего, и теперь лишь они знают, как мне помочь, пусть даже и словом. С ними я всегда чувствую себя комфортно. Когда мы остаемся с кем-то из них наедине – мы можем просто молчать, при этом никакого чувства неловкости не возникнет.

Сколько всего было. Со своими братьями я выкурил свою первую сигарету, с ними впервые попробовал алкоголь. С ними же первый раз в жизни подрался, за что мне стыдно по сей день. Но никаких обид между нами нет. Мы стали взрослее и вместе с этим поумнели. Теперь мы друг за друга скалой. Мы одна семья. И вот я здесь, рядом с ними. Я дома.

В хлопотах по дому и саду день пролетел очень быстро. Теперь оставшийся в огороде урожай собран, трава в саду покошена. Я отремонтировал шланг, подающий воду в сад, огород и на газон.

Мама сделала генеральную уборку. Ей помогал Джереми. Дэнис полдня помогал мне, а ближе к вечеру пошел на рыбалку. Он пробыл на реке несколько часов и вернулся с очень хорошим уловом. Мама приготовила рыбу на ужин.

День близится к своему концу. Я снова в саду, на тех же качелях. Сегодня на улице тепло и ясно, отовсюду пахнет травами и последними в этом году цветами. Мой взгляд направлен в сторону полосы тополей, которая ровной линией возвышается на самом верху растянувшегося на несколько километров холма. У подножья холма расстелился луг, который поутру, в мрачных, серых предрассветных сумерках был окутан туманом – но сейчас его нет, и благодаря этому в низине можно разглядеть небольшую реку, на которой раньше я бывал практически каждый день.

На лугу за рекой я увидел человека. Наверное, он неспешно прогуливается одним из тех осенних дней, когда еще тепло. Он далеко от меня. Не так уж и легко разглядеть детали с такого расстояния. Видно, что одет он в черное и на его голове капюшон.

Поначалу я не придал значения его появлению. Он неспешно шагал вдоль реки, пока вдруг не развернулся в мою сторону. Вряд ли он сможет разглядеть меня. Я сижу в саду, среди деревьев. За моей спиной садится солнце. Наверняка этот человек просто любуется закатом.

Но у меня возникло странное чувство, будто он смотрит в мою сторону и скорее всего именно на меня.

– Что за дела? – тихо бормочу я себе под нос.

Он все стоит и стоит. Я не свожу с него глаз и в то же время продолжаю ощущать на себе его столь же пристальный взгляд. Проходят минуты, а он все стоит как вкопанный.

Весь мир перестал существовать. И вдруг кто-то положил руку на мое плечо. Я вздрогнул от испуга!

– Привет, Аксей.

Черт возьми! Это Насса.

Я снова бросаю взгляд на луг, но там уже никого нет. Этот человек как сквозь землю провалился.

– Куда ты смотришь?

– Да так, никуда. Просто любуюсь тополями, – ответил я, стараясь скрыть недоумение.

– Пойдем в дом. Нас уже все ждут.

Шагая вслед за Насса, я бросил прощальный взгляд в направлении луга, но там было пусто и теперь.

Теперь пусто и в саду. Только качели, раскачивающиеся на ветру из стороны в сторону, тихо поскрипывают, подпевая вечерним сверчкам. День подошел к концу. Осталось только протянуть вечер, а после все повторится.

Насса приехал не один. На кухне с моими братьями и мамой нас дожидался и его отец. Насса чертовски смахивает на него. Упитанный брюнет – это самое весомое его отличие от более стройного сына, темноглазый, очень обаятельный, ну, и, конечно же, разговорчивый.

Стол накрыт. На кухне пахнет жареной рыбой.

– Вот и вы. Присаживайтесь, – мама показывает на два свободных места.

Мы с Насса усаживаемся рядом.

– Добрый вечер, Аксей, – высоким басам поздоровался старший из гостей.

– Здравствуйте, Корнелиус!

Мы пожимаем друг другу руки.

– Как твое здоровье? – держа в одной руке вилку с куском рыбы, а второй наспех выпивая стакан сока, продолжил Корнелиус.

В последнее время многие стали интересоваться моим здоровьем. Я не понимаю, зачем всем хочется узнать, не болен ли я. Естественно, все эти разговоры вызваны моим более чем подавленным внешним видом, но от них ни мне, ни кому-то другому лучше не станет, поэтому отвечаю я неохотно.

– Все в порядке. Как вы?

– Я отлично! Как тебе дома? В городе-то поди надоело?

Терпеть не могу, когда во время застолий мне уделяют много внимания. Не то чтобы мне совсем не нравилось внимание окружающих, просто в такие моменты рано или поздно начинают поступать вопросы, отвечать на которые не хочется.

– Везде хорошо, где нас нет! – бодро ответил я с надеждой, что этим дело и ограничится.

– Да, Аксей, в этом ты прав.

– Аксей, ты собираешься кушать? – заворчала мама.

Я голоден, но с этими допросами есть спокойно не получается.

– Конечно, мама, – ответил я.

– Насса, тебя это тоже касается! – мама не оставила без внимания и моего друга.

– А как идут ваши дела, Корнелиус?

Не будет лишним полюбопытствовать и мне. Насса с отцом занимаются очень интересными вещами. Суть их работы – охота за призраками и прочими сверхъестественными существами. Я отношусь к таким вещам крайне скептически. Порой мне даже кажется, что они шарлатаны, но пока ни одной жалобы на них я не слышал. Что меня очень удивляет – дела их идут хорошо. Народ здесь суеверный, да и с фантазией у людей проблем нет. К ним поступают заказы даже из городов, которые не в одной сотне километров отсюда. В определенных кругах они очень авторитетные люди.

Как бы там ни было – я искренне рад, что они нашли свое призвание. Не относись бы ко всему этому с таким скептицизмом – я бы и сам попробовал. Я считаю, что это как минимум интересно.

– О, Аксей! Это вечный бизнес! – задорно отвечает здоровяк. – Недавно нам поступил заказ от молодой девушки. Жаловалась на домового: он пытался выжить ее. Но мы задали ему. Теперь он сам распрощался со своим пристанищем. Ирония! – Корнелиус расхохотался.

– Да, папа, хорошо мы тогда поработали. Девушка была нам бесконечно благодарна. Бедняжка живет совсем одна. Страшно представить, через что ей пришлось пройти, пока она не вызвала нас.

Мне становится скучно от таких разговоров, а братья и мама слушают гостей с удовольствием. И тут случается само неприятное для меня.

– Аксей! Вот твой случай… Может, Яники уже и нет в живых, а ты не знаешь этого. Мы можем помочь тебе!

Я готов сквозь землю провалиться, только бы ничего не отвечать ему.

На кухне воцарилась тишина. Я поднимаю голову. Все недоумевающе смотрят на Корнелиуса. Он не сразу понял, что сболтнул лишнее. Но сейчас даже мои братья при всем уважении к нему готовы силой выставить его за дверь.

– Корнелиус! – возмутилась мама.

В ответ на ее гневный возглас он прошелся по всем сидящим за столом растерянным взглядом, который остановился на мне.

– Простите меня, – сказал я, аккуратно вставая.

Я молча ухожу из кухни. Все молчат. Мне становится дурно. Я иду в ванну, чтобы умыться холодной водой.

Я не виню его. Но он сказал как раз ту правду, которую говорить совсем не стоило. Яника всегда будет жива для меня. Пусть это глупо и наивно, но так будет всегда. Так будет каждую секунду моей жизни.

В голове неразбериха. А что, если он прав?

– Нет!

Я молниеносно обрываю в себе эти мысли. Нужно находить силы для борьбы: я не позволяю им развиваться в этом направлении. Пусть это и сотню раз глупо, но я не могу предать Янику. Я буду бороться до последнего.

Умывшись, я уставился на свое отражение. Я похож на загнанного в угол зверя: растерянное лицо, испуганный взгляд.

Как же я устал… Что будет дальше? Неужели внутри меня трещина и меня скоро переломает? Яника, где же ты?

Еще с минуту смотрю на свое отражение. Мне противно от собственного вида. Я дышу на зеркало – на нем появляется пар. Я рисую на нем вопросительный знак, смотрю на него несколько секунд и выхожу из ванной.

Я тихонько выбрался во двор. Настроение окончательно испорчено. Я не желаю кого-либо видеть.

Я вышел на улицу. Ничего не хочется, кроме как просто идти по ночной дороге. Яркая луна освещает мою тень на асфальте.

– Ну, а ты ненастоящая или просто другая, а? – я крикнул собственной тени.

Как же меня все достало. Даже в этом тихом краю мне нет покоя. Я таскаю за собой дурные мысли, волнения и переживания. Мне негде укрыться от них, пока они живы во мне. Меня убивает эта безысходность.

– Пошло все к чертям собачьим!

Я добрел до футбольной площадки. Здесь точно никого нет. Мне нужно остыть. Я не хочу показываться дома в таком состоянии, тем более, если Корнелиус все еще там.

Я усаживаюсь на первую же скамейку. Рука автоматически лезет в карман. Я достаю сигареты и шарю в поисках спичек. Кажется, оставил дома.

– Твою мать! – беззастенчиво ругаюсь на всю округу.

В нескольких метрах от меня темноту нарушила вспышка огня.

– Вот, парень, держи, – я услышал голос какого-то мужчины.

Через несколько секунд он уселся рядом. Мужчина протянул зажигалку. Я закурил сигарету. Он сделал то же самое.

– Чего ты шумишь, парень? Ночь темна, люди спят кругом.

У него спокойный ровный голос.

Я не знаю, что ответить. Да и не очень хотелось заводить откровенные беседы с незнакомцем.

– Ничего. Просто захотелось немного покричать, – ответил я.

Он тихонько засмеялся. Некоторое время мы молча курили, но вскоре он продолжил.

– Ты ведь не глупый, и я не дурак. Нормальные люди так просто так не орут по ночам. Дурак может покричать и средь бела дня. Кто с него спросит? Только такой же дурак.

– А с меня, стало быть, дурак не спросит?

– Не здесь и не сейчас. Здешние ночи полны множеством непонятных и загадочных вещей, но уж точно не дураками.

Как он тактичен. Я его и знать не знаю, а он тут из меня все тянет нитки. Незнакомый человек, чьего лица я даже толком и не видел в этой темноте, произвел на меня успокаивающий эффект.

– Я не настроен на откровенный разговор.

– Да? Отчего же? Как по мне – незнакомец более всего подходит для подобных разговоров. Вот выговоришься, если уж так накипело, что ты решаешься сотрясать ночной воздух, тебе станет легче, мы выкурим еще по одной сигарете и навсегда распрощаемся. Как тебе такое?

Ох и упертый… Но тут я вдруг успокаиваюсь. Я понял, что и я упрям. Человек всего лишь пытается мне помочь. Мое упрямство похоже на то, как если бы ребенок долго не соглашался что-то делать от страха, понимая при этом, что ему нужно это сделать. Он просто ждет, пока его окончательно уговорят. Он надеется, что его не перестанут уговаривать до тех пор, пока он не решится на действие.

Я протянул свою руку к глотке.

– Вот тут уже ком, – мой голос резко изменился.

– Понимаю. У самого бывало так, да и не раз. Что у тебя за беда?

– Исчез человек, которого я люблю. Все уже давно похоронили его, а я нет. Я не могу позволить себе думать, что все кончено,

– Отчего же ты так упрям?

– Я чувствую. Я знаю, что она все еще жива.

Над нами зависла недолгая тишина. Мужчина закурил очередную сигарету. Сделав пару затяжек, он встал.

– Знаешь, что я тебе скажу, парень! Тот, кто каждый день упорствует в своем безумии – одним прекрасным утром может очнуться гением. В тебе необычайно сильная надежда. Держись ее. Верь ей.

– Эта надежда скоро сведет меня с ума.

– Да, может случиться и такое, парень. Но только не с тобой.

Я полез в карман за очередной сигаретой. Пачка упала на землю. Я начал шарить рукой под скамейкой.

– Почему вы так думаете?

Он исчез. Пока я высматривал уроненную пачку – мужчина куда-то делся.

– Эй, где вы?

В ответ лишь тишина. Курить перехотелось. Я спрятал пачку в карман и направился домой. Всю дорогу я думал об этом странном мужчине. Откуда он вообще мог взяться? И куда подевался? Почему я испытываю желание продолжить беседу? Мистика какая-то.

Я тихонько прикрыл входную дверь. Не возвращаясь на кухню, в которой, по-видимому, уже никого не было, сразу же отправился в свою комнату. Света в ней хватает даже без лампы. Лунный свет заливает ее достаточно ярко, чтобы раздеться и рухнуть в постель. Скорее бы уснуть. Скорее бы очнуться. Очнуться от всего этого, засыпая во всем этом. Яника, как же я устал.

Никто не знает, как же я не хочу встретить очередное утро. Безмятежная, тихая и чистая от суеты ночь пройдет – и мне вновь придется окунуться в хаос обыденности. Я не готов расстаться с ночью, этим волшебным временем суток. Почему оно не может длиться вечно?

– А помнишь, как мы с тобой разбились на мотоцикле, уходя от погони? – хихикая, говорит Яника.

– Конечно помню! Как такое вообще можно забыть? Мы ведь тогда чуть не погибли! – ответил я, как только переборол смех.

– Погнались же они за нами!

– Еще бы! Нам в тот вечер осталось еще немного дать газу, чтобы мчаться все двести! А будь ты за рулем – так бы и случилось!

Беззаботная влюбленная пара сидит в парке, найдя укрытие от солнца в тени развесистого дуба. Теплый летний вечер согревает, а легкий ветер нежно подхватывает их волосы, и он же куда-то далеко уносит их смех. Они сидят, скрестив ноги, и смотрят друг другу в глаза.

– Вообще мы тогда легко отделались. Эти ребята даже подбросили нас домой.

– Да, – соглашаюсь я с Яникой. – И мотоцикл всего неделю простоял в гараже, пока я его не отремонтировал. Никто из друзей и родных так ничего и не заметил.

– Верно! Даже учитывая, что об этом написали в газете! Какое счастье, что к статье не прикрепили наше фото.

Яника задыхается от смеха. Я тоже не в силах сдерживаться. Не знаю, что смешит меня больше – это действительно забавный случай или смех Яники так заразителен.

– Статья о паре идиотов, разбивших мотоциклом полицейскую машину. Как тебе такая шапка статьи?

В ответ Яника лишь продолжает смеяться.

– А наши родители все еще ничего не знают!

– И славно!

– Мой авантюрист!

Яника сладко целует меня своими нежными губами.

– Я авантюрист? А ты вспомни наши приключения в лесу! Разве я тебя туда тащил?

– Ну, было дело.

От смеха у нас выступают слезы.

– А на территорию закрытого завода тоже я тебя тащил? Славная прогулка тогда получилась, не правда ли, дорогая?!

– Ну все же хорошо закончилось! Это главное, – немного успокоившись, сказала Яника.

– Да. И в трамвайном депо, к счастью, тоже!

– Ну а крыша? Помнишь, как ты привел меня позагорать на крышу многоэтажки? Мы разделись, включили на телефоне шум прибоя и, закрыв глаза, представляли, что мы на море!

Ее лицо засверкало ослепительной улыбкой.

– Любимая, я все помню. Каждое мгновение, которое я провел с тобой, навсегда в моей памяти.

Смех ушел. Мы смотрим друг другу в глаза. Кажется, что через них мы заглядываем в открытые друг для друга души.

Внезапно куда-то ушел летний вечер. Стало резко темнеть. Мы смотрим в небо. Я и не заметил, как его заволокло темными облаками. Вокруг странно тихо. Я поворачиваюсь к Янике. Ее лицо показалось мне каменным. Оно не отражало никаких эмоций.

– Ты найдешь меня, – сухим, безжизненным голосом произнесла она.

Ветер резко усилился. Он начал подхватывать частицы ее тела и уносить их, словно песчинки.

Я хватаю ее за руку. Чувство страха вырвалось наружу. Я остолбенел от ужаса. Еще один порыв ветра – и я провожаю взглядом уносящийся вдаль вихрь песка, которым секунды назад была Яника. Я раскрываю ладонь, которой только что держал ее руку. Ветер забирает из нее последнее.

Очередное серое утро. В комнате тишина, у которой все тот же яркий привкус нещадно давящей пустоты, а рядом с ней, практически вплотную стоит ее вечный, так же сильно давящий спутник, по имени тишина.

Кажется, что ничего страшного не произошло. Одна жизнь погасла, свеча догорела. Спектакль окончен. Нас миллиарды. Кто-то займет место, заменит ушедшего. Так скажут или подумают. Потеря далека от многих. Всем плевать. Так было всегда и до сегодняшнего дня ничего не изменилось. Я тоже был равнодушным к чужим бедам, даже радовался, что это случилось не со мной. Это нормально. Но теперь я по другую сторону. Теперь все иначе. Сложнее, запутаннее. Я заблудился внутри себя.

С большим трудом я встаю с постели и иду в ванну. В который раз всматриваюсь в свое отражение, будто ожидая, что оно вот-вот заговорит со мной.

Мой двойник упрямо молчит. Я опускаю глаза в раковину. Медленной воронкой из нее уходит вся вода. Я поднимаю взгляд. Мне снова становится противно от собственного вида. Я снова дышу на зеркало, чтобы пар скрыла мое отражение. Я рисую на зеркале знак вопроса. И вдруг я замечаю что-то еще. Под знаком вопроса появляется узор: буква А плюс буква Я в контуре сердца. Кажется, что мои ноги вросли в пол у раковины. Все мысли, которых и так было не очень много, вдруг обрываются.

– Кажется, это последняя стадия, – абсолютно равнодушно говорю я.

Этот узор. Я узнаю его. Прошлым летом мы с Яникой гуляли у реки, здесь, в деревне. Тогда я вырезал на стволе дерева такой же. Больше ничего подобного я нигде не видел.

Я ничего не понимаю. Единственное, что я сейчас могу сделать – сходить к тому дереву. Тут какая-то чертовщина.

Надев толстовку и шорты, я побрел к реке. Ноги от утренней росы промокли в два счета. Меня колотит от холода и волнения. Единственное, что немного приводит мысли в порядок – это утренняя прохлада.

Я пересекаю покатистый спуск, за которым течет река и перехожу мост.

Дерево на месте. Вокруг него все заросло высокой травой, и только метра на четыре по кругу от ствола аккуратный газон. Я сразу разглядел оставленный мной узор. Я всматриваюсь в него в поисках ответа с учащенным дыханием, с бьющимся сердцем. Смотрю на узор, но ничего не происходит. Я срываюсь с места и осматриваю траву вокруг дерева. В ней тоже ничего нет. Останавливаюсь на несколько секунд. После этого снова начинаю ходить вокруг дерева. Здесь ничего нет.

Из моей груди вырывается мучительный вздох. Неужели я действительно начал сходить с ума? Меня это пугает. Что будет потом? Меня даже никто слушать не будет. Меня просто перестанут воспринимать всерьез.

Я усаживаюсь на сырую землю. Мои руки скользят по верхушкам увядающей травы. В нос врезается запах осенней сырости. Я смотрю по сторонам.

Золотая осень. Как же она прекрасна. Природа умеет красиво уходить и демонстрирует всем свое величие. На серебристом от низко летящих облаков и тумана фоне горит золотая листва. Птицы улетают на юг. Плотные косяки на прощание что-то кричат этим краям. Их крылья подхватывают холодный ветер, который срывает с ветвей последнюю листву. Этот ветер дует мне в спину, будто толкает вперед. Природа не хочет оставлять меня в беде. Она пытается намекнуть, что жизнь стоит того, чтобы двигаться дальше. Конечно, это самовнушение, но я нахожу в этом утешение. Мне даже становится немного легче.

Я спешно возвращаюсь в дом. Зайдя в ванную, снова дышу на зеркало. На паре только оставленный мной вопросительный знак. Я пробую смотреть на зеркало под другими углами, но кроме вопросительного знака на нем ничего нет.

Я усаживаюсь на пол напротив раковины. Скрестив ладони у подбородка, пытаюсь найти логическое объяснение произошедшему. Но в голове каша. Нужно просто забыть о случившемся, чтобы не сводить себя с ума. Рассудок и без того с каждым днем мутнеет все сильнее.

За завтраком никто не проронил ни слова о вчерашнем. Дэнис в очередной раз развеселил всех забавными рассказами, а мама поделилась планами на сегодняшний день. Она попросила меня помочь ей разобрать хлам на чердаке. Дэнису и Джереми повезло меньше. Мама отправила их колоть дрова для камина.

Наш старый чердак. Летом здесь невыносимо жарко. Но сейчас поздняя осень и можно спокойно перебрать все старые коробки. Их уйма. Мама давно планировала добраться до чердака, и вот, наконец, настал этот долгожданный день.

Оценив масштабы работы, я понял, что двоим здесь не управиться за весь день. Мама поняла это лишь ближе к обеду. Дрова наколоты, и теперь можно спокойно подключать братьев.

Время от времени кто-то из нас находил что-то необыкновенное, и мы с радостью изучали находку. Джереми наткнулся на свою школьную тетрадь. Все ее страницы были разрисованы: Джереми еще со школьной скамьи рисует карикатуры. Мы узнали всех учителей. Однажды эта тетрадь попала от одного обиженного учителя в руки директора. Увидев тетрадь, директор лишь рассмеялся и попросил Джереми спрятать ее, чтобы не смущать учителей. Джереми так и поступил.

Дэнис нашел магнитофон. Оба брата помчались в комнату Джереми, надеясь отремонтировать находку. Мама смиренно отпустила их, понимая, что на сегодня помощь окончена.

– Достаточно. Тут и недели не хватит, чтобы привести все в порядок, – мама довольно вздохнула, глядя на освободившийся угол.

– Будь здесь меньше личных вещей – можно было бы устроить распродажу.

– Да, сынок. Ты снова подкидываешь интересную идею.

В ответ я лишь скромно улыбнулся.

Мама отправилась готовить ужин, а я решил еще немного порыться в старых вещах. Открыв очередную коробку, я увидел книгу. На обложке значилось: «Хитрости садоводства от А до Я».

– Какое странное совпадение, – пробормотал я.

Перелистывая страницы, я наткнулся на сложенный вдвое лист бумаги. Я развернул и увидел чей-то телефон. Мне вдруг стало любопытно, и я решил тут же набрать его.

Я даже не надеялся услышать гудки. Номер мог давно не работать. Гудки пошли, но на вызов никто не ответил.

Вдруг раздался звон бьющегося стекла. Я не на шутку перепугался. За моей спиной только что разбилось что-то стеклянное. Я медленно повернулся. За стеной из коробок что-то шуршало. Переборов страх, я наклонил голову над коробками. Оттуда молниеносно выпрыгнул черный кот, пролетев в нескольких сантиметрах от моего лица. Я резко отпрыгнул, не удержал равновесие и свалился на пол. Кот остановился у приоткрытого окна. Его шерсть была взъерошена. Дикие глаза показались мне громадными.

– Ах ты тварь! Пошел отсюда!

Это был соседский кот. Он чертовски напугал меня. После моих криков он мигом скрылся за окном. Не успел я перевести дыхание, как зазвонил телефон. Я вздрогнул от неожиданности.

Сначала я подумал, что это перезванивают с найденного в книге загадочного номера – но нет, это был Насса.

– Да, здравствуй, Насса.

– Здравствуй. Что у тебя с голосом? У тебя там все в порядке? – от него ничего не скрыть.

– Да, все хорошо. Я тут перебирал вещи на чердаке и меня напугал соседский кот. И тут же позвонил ты.

– Бедолага. Коты вечно появляются внезапно, – нотки смеха в голосе Насса напомнили мне, что это всего лишь кот.

– Как ты там?

– Спасибо, все хорошо, – Насса выдержал паузу. – Я прошу прощения за своего отца. Ты же его знаешь. Поверь, ему сейчас крайне неловко.

– Все нормально. Объясни Корнелиусу, что ему не стоит переживать по этому поводу. Я говорю это искренне.

– Это хорошо, но все же прими извинения.

– Хорошо, извинения приняты.

– Куда ты вчера пошел?

Наконец-то Насса сменил тему.

– Решил пройтись. Нужно было собраться с мыслями. Ты ведь знаешь, как это бывает.

– Да, мне это знакомо, – очередная короткая пауза. – Чем сейчас занимаешься?

– Да уже ничем. Ты хочешь что-то предложить? – Насса заинтриговал меня.

– Да. Как ты догадался?

– Насса, сколько лет мы дружим, а?

– Действительно, – друг снова засмеялся. – Так вот! Можешь приехать? Примерно через час я буду дома. При встрече все расскажу.

– Хорошо, – я заинтригован. – От меня что-то требуется?

– Только твое присутствие. да, и оденься теплее!

– Хорошо. До встречи.

Странно это все. Что он задумал? Думаю, меня ждет что-то интересное.

Заглянув за импровизированную стену из коробок, я увидел на полу осколки стекла. Кот разбил старое зеркало. Плотно закрыв окно, не оставляя тем самым коту шансов вновь проникнуть внутрь, я спустился вниз взять из кухни веник и совок.

Поднявшись на чердак, я отставил коробки в сторону. Решив, что крупные куски удобнее собрать руками, я порезал руку первым же осколком.

– Ну только попадись ты мне еще хоть раз на глаза, – недовольно бормочу себе под нос.

Я понимаю, что это всего-навсего животное и никакого злого умысла у кота не было. Само собой, что я не сделаю равным счетом ничего, если он в очередной раз заберется в наш дом. Поуспокоившись, скорее всего я даже налью незваному гостю молока.

Я достал аптечку. Кровь ушла воронкой вместе с водой. Порез действительно неглубокий, но перебинтовать его пришлось. Иначе никак – на этом настояла мама. Я сделал легкую перевязку лишь для ее успокоения. Я закрыл дверцу шкафа и в зеркале, висящем на ней, в очередной раз увидел собственное отражение.

– Хватит уже, – с этими словами я вышел из ванной.

Поужинав с родными, я стал собираться к Насса. Оделся как можно теплее – мало ли что он задумал. Непредсказуемость – далеко не самая слабая черта его личности.

Мотоцикл уже у двора. Я не стал терять времени, пока он прогревался и позвонил Насса, но он не ответил. Вероятно, они с отцом еще работают. Возвращаться домой и дожидаться ответного звонка мне совсем не хочется, и я решаю выезжать. На улице понемногу начало темнеть. Но я доберусь до его дома еще при свете.

Мотоцикл несет меня по пустой деревенской улице. Сейчас здесь совсем безлюдно, хотя, казалось бы цивилизация давно добралась сюда. К счастью, она не испортила отдаленной от города деревни. С собой она принесла лишь хорошую асфальтовую дорогу и множество столбов с исправно работающими фонарями вдоль нее. Да и дома здесь больше походят на коттеджи: вокруг аккуратные газоны со всевозможными насаждениями, будь то цветы или декоративные, а порой и нет, деревья. Даже странно, что здесь так безлюдно.

Я подъехал к дому Насса. Машины у ворот нет. Они точно еще не вернулись, но свет в доме горит. Наверняка его мама уже пришла с работы. Я оставляю мотоцикл так, чтобы он не помешал Насса припарковать машину. Места и без этого предостаточно, но Насса совсем недавно сел за руль. Лучше перестраховаться.

Я позвонил. Практически сразу же после причудливого звона я услышал, как открылась дверь в дом. Кто-то неспешно шагает по двору в сторону калитки.

– Кто это к нам приехал? – добрым голосом спросила женщина.

Я не стал отвечать. Все равно она сейчас увидит меня. Возможно, мой визит станет для нее приятным сюрпризом. Дверь открылась.

– Аксей, дорогой! Вот так сюрприз! Проходи, чего ты там стал? Зашел бы сразу, без звонка.

Ева всегда добра ко мне. Всю жизнь мы с Насса были лучшими друзьями. Она знает меня с самых юных лет. Даже после всех наших с Насса проделок, которые порой выходили за рамки дозволенного, Ева никогда не повышала на меня голос. Со временем она стала ко мне лишь добрее.

Конечно, ей известно о моих бедах. Она может спокойно говорить со мной на эту тему, повторяя, что не стоит опускать руки. Она помогает мне укрепить надежду на лучший исход. Пожалуй, она второй человек поле Насса, если не брать в расчет моих родных, с которым я могу подолгу быть наедине, не ощущая при этом дискомфорта.

– Здравствуйте, Ева. Я тоже очень рад вас видеть, – мы обнялись, и она поцеловала меня в щеку. – Вы прекрасно выглядите.

Я сказал правду. Несмотря на преклонный возраст, она полна энергии. Ева всегда заряжает оптимизмом каждого, кто находится рядом. Улыбка не сходит с ее лица. Мне приятно смотреть на нее. Как и прежде, мне передается ее тепло. Она необычайно открытый человек. Видимо, частица этого дара передалась от нее и Насса, с которым мы с самого раннего детства остаемся лучшими друзьями.

– Идем в дом. Я как раз заварила чай. Вот с тобой-то мы его сейчас и выпьем, а еще вчера я испекла печенье. Идем-идем! Нечего здесь мерзнуть.

Ничего не изменилось. Хорошо, когда добро в людях со временем не угасает. В наши дни это стало большой редкостью.

– С удовольствием, – не стоит отказываться от подобного предложения.

Ева заперла за мной дверь. Мы отправились в дом. Я неспешно зашагал вслед за низенькой женщиной, которая отмеряла расстояние короткими шагами, точно опасаясь поскользнуться.

Ева – набожный человек. Она из тех, кто каждое воскресение посещает церковь, молится перед сном и едой и никогда не пожелает дурного человеку.

Она открыла в городе небольшой приют для бездомных животных, несмотря на то, что у нее жуткая аллергия на кошек и собак. Корнелиус и Насса гордятся ее поступком. Мало кого волнует судьба братьев наших меньших. Но Ева бесконечно права, говоря, что они, как никто другой, нуждаются в человеческой помощи.

Когда я думаю о ней, меня всегда посещает странное чувство, будто она особенная. Ее образ идеален для портрета идеального человека. Идеального человека, которому порой приходится грустно сидеть у окна, в то время как его разум где-то очень далеко. Далекий от всего земного разум видит мир таким, каким многим из нас его трудно даже представить.

– Ты так бледен, Аксей. Как ты себя чувствуешь?

– Уверяю вас, я здоров! – я решил сразу же поставить точку в этом вопросе, опасаясь, что женщина может навыдумывать себе разных вещей.

– Как оживился твой голос! – Ева рассмеялась.

– Поверьте мне на слово.

Она поставила чашку на стол и сложила руки на коленях. Кажется, сейчас заговорит о чем-то серьезном. Я напрягся в ожидании.

– Я молюсь за Янику. Бог обязательно услышит нас, Аксей. Ни в коем случае не теряй надежду. Я верю в то, что скоро все наладится, – на ее лице засияла легкая улыбка.

– Спасибо, Ева, – растерявшись, я опустил взгляд.

– Знаешь, если никаких новостей нет – это неплохо. Новости могли бы быть и плохими, но их нет совсем. Это дарит надежду, – она снова взяла чашку в руки.

– Да, я тоже думал об этом, – я поднял на нее взгляд.

– Вот и молодец. В конце концов, уныние здесь неуместно. Оно моментально переломает и тебя и всех нас.

Как же искренне она говорит. Иногда мне катастрофически не хватает рядом такого человека, как она. Мы с ней одинаково смотрим на произошедшее. Как хорошо, что в моей жизни есть Ева, невероятная женщина, способная притупить мой внутренний крик, – пусть и ненадолго.

В гостиную проник шум подъезжающего к дому автомобиля.

– А вот и мальчики пожаловали. Пойдем, встретим их, – женщина протянула мне руку.

Насса уже стоит во дворе. Вид его странный. Он взволнован. Не случилось ли чего-нибудь плохого?

– Привет, мама, здравствуй, Аксей, – его голос дрожит.

Я молча протягиваю ему руку. Он отводит от меня взгляд.

– Идем со мной, – сказал он шепотом.

Я понял его без лишних вопросов. Нам нужно переговорить с глазу на глаз.

– Насса, с тобой все хорошо? – спросила Ева.

– Да, мама, со мной все хорошо. Почему ты подумала, что что-то случилось?

Он никогда не умел лгать. Теперь Ева не оставит его в покое. Она умеет выдавливать из него информацию.

– Да? А вот я так не думаю, – холодно огрызнулась женщина.

Как же вовремя появился Корнелиус. Первым делом он подошел ко мне.

– Здравствуй, – он явно стыдится. – Как ты?

– В порядке, – вполне дружелюбно ответил я. – У вас, надеюсь, все хорошо?

– Да, все отлично.

– Рад слышать это!

– Ты уж прости за вчерашний вечер, Аксей.

– Все хорошо, вам не стоит переживать по этому поводу, – я сжал его ладонь сильнее, намекая на то, что я не таю на него обиды.

Он посмотрел на меня виноватым взглядом и только растерянно кивнул.

– Аксей, одевайся и выходи, – Насса торопит меня.

Необъяснимое поведение Насса пугает меня.

Мы выехали на мотоцикле. Друг сказал, что нам нужно на озеро. Ситуация набирает обороты. Я не припомню за ним ничего подобного. Более странным, чем сейчас, я его еще никогда не видел.

Асфальтовая дорога уходит вправо. По прямой идет хорошо накатанная колея. Проехав с сотню метров, мы уперлись в озеро. Насса мигом соскочил с мотоцикла. Я даже еще не успел заглушить двигатель. Он уверенно зашагал к небольшому деревянному причалу, тихо поскрипывающему от наката волн.

Я встал с мотоцикла и последовал за ним. Насса будто пытался что-то высмотреть. Но в такой темноте собственные ноги разглядеть трудно, не говоря уже о чем-то другом. Он идет к одному краю причала, а от него бросается ко второму. Повторив это несколько раз, он наконец остановился.

– Может, ты уже скажешь мне, что за представление ты решил мне тут устроить? – мои слова разлетелись эхом.

Насса повернулся ко мне. Он начал тыкать пальцем себе под ноги.

– Сегодня я видел здесь Янику! – чуть ли не крича, ответил Насса.

Что он такое говорит? Что он несет? Он издевается надо мной?

– Что?

Насса зашагал ко мне. Схватив мою руку, он потащил меня на причал. Снова тыча в него пальцем, он повторил:

– Сегодня я видел здесь Янику!

– Ты в своем уме?

– Да, я в своем уме и я верю своим глазам!

Я полез за сигаретами. Достав их из кармана, стал искать зажигалку. У меня ее нет.

– Есть зажигалка?

– Я не курю, – монотонно ответил Насса.

– Я не спрашивал этого! Я спросил зажигалку! Меня не волнует, куришь ты или нет!

Я разорался на все озеро, на весь лес. Насса смотрит на меня перепуганными глазами. Я больше не могу сдерживаться. Происходящие в последнее время события вот-вот сведут меня с ума, а тут еще и он со своими разговорами! Я готов разорвать себя на куски, выпустить наружу всю ту злобу и боль, что накопились во мне за последнее время. Я готов скинуть с себя эту ношу. С меня хватит. Я не заслуживаю всего этого. В мире полно всяких мерзавцев, с которыми никогда не происходят плохие вещи, так почему же я должен терпеть все это? Почему?

Я пошел к мотоциклу. Из-под сидения достал зажигалку. Мои дрожащие пальцы кое- как держат сигарету. Не успел я опомниться – она уже закончилась. Я тут же закуриваю вторую. Насса стоит как вкопанный. Мне совсем не хотелось кричать на него.

Я возвращаюсь на причал. Усевшись на скамью, я смотрю в темноту, за которой скрыто озеро.

Почему именно я? Этому нет объяснения. Есть случай, судьба. Тяжелый случай и нелегкая судьба. Действие и последствие. Может, пришло время платить за прекрасные дни? Может, каждый платит по-своему? Кто-то делает аборт и больше никогда не может иметь детей – хотя теперь страстно мечтает об этом. Кто-то не уступит дорогу скорой помощи, которая мчится спасать его близкого человека. Кто-то наговорил лишнего человеку, которого теперь нет на белом свете и просить прощения не у кого. Остается лишь жить с этим.

Моя роль определена. Но почему должны страдать все остальные?

– Насса, повтори еще раз, – теперь я обратился к другу ровным спокойным голосом.

Очевидно, что ему страшно повторять прежние слова, но он находит в себе силы. Насса присел рядом со мной.

– Наверное, надо было как-то мягче начинать, – монотонно произнес он, открыл пачку сигарет и достал одну. Уже и не помню, когда я последний раз видел его с сигаретой. – Дай прикурить.

– Держи, – Я зажег для него огонь.

Насса начал лениво растягивать табак.

– Я бы не поверил, но это была Яника.

– Расскажи подробнее.

– Утром мы с отцом ехали по той дороге, – Насса ткнул дымящейся сигаретой в темноту, которая скрыла собой лежащую в сотне метров от нас асфальтовую дорогу. – Тогда только начинало светать. Мы наехали на колючую проволоку неподалеку от колеи и прокололи колесо. Пока отец возился с запаской, я заметил в лесу человека, – Насса встал и начал ходить небольшими кругами. – Я не знаю, почему пошел сюда. Что-то влекло меня.

– Влекло?

Не хочет ли он приплести сюда свою работу?

– Да, влекло. Просто не знаю, как объяснить иначе.

Смугловатое лицо Насса почти полностью скрылось в темноте. Я видел лишь огонек сигареты, который перемещался по причалу.

– Продолжай.

– Я пошел по колее. Вдруг из леса вышла девушка, на ней еще было такое интересное платье.

– Какое платье? – перебиваю друга.

– Очень красивое. Малахитового цвета, а по краям золотисто-бордовая окантовка. В таких сейчас уже никто не ходит. Помню, первое, что я подумал – как ей не холодно. Вдобавок на ней не было обуви.

– Что?

– Она была босой, – резко сказал Насса.

Он снова присел рядом со мной.

– Понимаешь, Аксей, я уверен, что видел призрака, а не человека.

– Неужели платье и босые ноги убедили тебя в этом?

– Над водой был туман, и я не видел , на чем она могла бы стоять. Сейчас на том месте ничего нет. Ни лодки, ни плота.

– Это тут при чем? – я из последних сил сдерживаюсь. Насса сейчас разговаривает в разы эмоциональней, чем я.

– Она ходила по воде. Туман медленно расступался под ее ногами, а плеска воды я не слышал. – Насса снова встал и начал колобродить по причалу.

– Ходила по воде? Насса, ты сегодня головой не бился?

– Два раза.

Откровенный сарказм удался.

С озера подул сильный ветер. Он принес с собой запах сырости. Вдали показались блики молний. Вероятно, будет буря. Мне не хочется вымокнуть по дороге домой. Оставаться на ночь у Насса желания нет вовсе. Не могу даже видеть его сейчас: несет какую-то чушь. Весь разговор свелся к тому, что он увидел не Янику, а ее призрак.

Мало того, что он тыкает меня носом в тот факт, что она мертва – меня окончательно вывел из себя его рассказ о ее внезапном мистическом появлении. Хочется встать и уйти.

Пусть даже его слова и правдивы – я не смогу поверить в них, не смогу поверить, что Яника мертва.

– Давай сделаем вид, что я ничего не слышал, – я встал и подошел к краю причала.

Ветер дует все сильнее. В ярких вспышках молний просматриваются быстро плывущие по небу облака. Вода плещется и бьет о берег. Причал начинает пошатывать из стороны в сторону с усиливающимся скрипом.

Я пытаюсь успокоить свой разум. Может, ему привиделось? Не врет ли он? Но зачем ему врать? Да еще в такой ситуации?

– Я тебе уже все сказал, Аксей. Добавить мне нечего, – Насса направился к мотоциклу.

– Ты не жалеешь, что рассказал мне это?

– Нисколько, Аксей, – Насса завел мотоцикл. – Поехали домой. Скоро начнется буря.

Кажется, мой внутренний покой утрачен навсегда. Как мне теперь жить с этим? Как мне спать, есть, на что мне отвлекаться? Старые способы уже не сработают. Нужно искать средство мощнее, но у меня нет никакого желания.

Остается одно. Конец всему и сразу. Рано или поздно это должно было произойти.

Высадив Насса и коротко попрощавшись, я сразу же поехал домой. На полпути от дома я попал в бурю. Леденящий дождь быстро привел меня в себя. В голове была лишь одна мысль – скорее бы добраться домой. Капли дождя мелькают в свете фар и разбиваются об асфальт, который теперь похож на водный канал. Я кручу ручку газа практически до упора.

С каждым поворотом я все ближе к дому, с каждым поворотом я ближе к теплой постели, в которой мне удастся уснуть и, может быть, в этот раз я найду способ остаться там с Яникой навсегда.

С каждым поворотом я все ближе к покою, который мигом наполнится тревогой и волнением. С каждым поворотом я все ближе к очередному утру, сил на которое у меня уже нет. Сегодня они закончились. Теперь я чувствую это, как никогда раньше.

Мотоцикл полетел с дороги. Очередной поворот оказался слишком крутым. Я скольжу по асфальту, точно по льду. Мотоцикл остался где-то сзади. Надеюсь, он не догонит меня ударом в спину. Вместо этого меня встречают кусты осиротевшей от листвы сирени.

Небольшая встряска, чтобы прийти в себя? Да пошло оно все к чертям. Я не хочу приходить в себя.

Я не знаю, как долго просидел на обочине. Мотоцикл лежал рядом. Я даже не встал посмотреть, что с ним. Я просто сидел, пока не промок до нитки.

К счастью, я все же нашел силы встать на ноги. Если мне придется умереть – то это точно случится не здесь и сейчас. Меня все еще ждут дома. Пора ехать.

Все уже спят. В доме тепло и тихо. Пока я снимал обувь, с меня натекла целая лужа. Руки практически неподвижны. Пальцы совсем замерзли. Я кое-как забрался в горячую ванну и постепенно пришел в себя.

По крыше стучит дождь, слышны раскаты грома. Удивительно, что в такое время года может быть гроза. На дворе конец октября, вот-вот выпадет первый снег – а тут льет дождь, да еще и с грозой. Природа сходит с ума.

Я лежал в ванне до тех пор, пока вода не остыла, и думал о рассказе Насса. Мне придется поверить в его слова. Как бы там ни было – он не мог обмануть меня. Завтра я сам съезжу туда

при свете дня. Может быть, мне удастся что-то найти. Просто сидеть дома и терять рассудок от подобных размышлений я не собираюсь. Выбирать не из чего, но и терять ничего.

Перед тем, как лечь спать, выхожу во двор покурить. Шквальный ветер гудит что есть сил. Деревья клонятся из стороны в сторону. Такой ветер может запросто повалить даже крепкий дуб. Такое чувство, будто начался очередной всемирный потоп. Благо что теперь меня защищает навес: я возвращаюсь в дом сухим.

Я давно не спал так спокойно. Впервые за несколько месяцев нормально выспался. Утро оказалось милосердным. Я не запомнил свой сон. Сегодня, открыв глаза, не нужно упиваться обрывками ночных ведений. Я даже немного обрадовался, что сегодня их не было. Так немного легче начать новый день.

Правда, в ванной я вспомнил вчерашние слова Насса, но быстро прогнал эти мысли. Я заслужил хотя бы одно спокойное утро. Единственное безболезненное утро, которое пойдет мне на пользу.

Я загнал мотоцикл во двор. Он почти не пострадал: лишь правый бок немного поцарапан. Поцарапан именно в том месте, на которое пришелся удар от прошлого падения. Забавная была погоня. Теперь я вспоминаю об этом с улыбкой, но в тот день нам с Яникой было не до смеха. Надежда словно толкает меня в спину. Может быть, и то, что происходит сейчас, через годы будет вызывать у меня столь же легкую улыбку. Сегодняшнее утро пробудило меня по-настоящему. Мне кажется, что я живу.

Сразу же после завтрака отправлюсь в то место, из которого вчера так спешил. Видимо, у меня уже вошло в привычку просыпаться в такую рань. Вся семья еще спит. Чтобы скоротать время, отправляюсь к реке. Мне хочется снова сходить к тому же памятному дереву, у которого я не так давно был.

Сад в густом тумане. Как напоминание о свирепствующей прошлой ночью стихии, по земле и тут и там разбросаны ветки деревьев. Погода резко изменилась. Все вокруг снова говорит о том, что сейчас здесь царствует осень. Последние птицы летят на юг, в нос бьет резкий запах сырости, а опавшая листва все плотнее прижимается к земле. Осень – будто снотворное для всего живого. Жаль, что на меня оно не действует столь же сильно.

Уже издалека я увидел, что дерева нет на месте. Оно повалено. Его корни торчат из земли, а облепившая их грязь уже превратилась в медленно стекающую вниз кашу. Странно. Оно было крепким, развесистым, да и здешняя местность не настолько открытая, чтобы дать ветру возможность валить деревья. Тем более такие.

Я медленно подхожу к падшему гиганту. Может, это знак? Все мои надежды на то, что я снова увижу Янику, рухнули вместе с этим деревом? Если уж и оно не устояло, то куда там мне?

Все кончено. Не стоит продолжать топить себя в грезах. Нужно найти силы для того, чтобы начать новую жизнь. Как же это сложно, снова вставать на ноги после столь сильного падения. Одно я знаю точно – мне хватит сил. Придется проститься и с Яникой, придется проститься и с прежним собой. Прежнему мне суждено умереть, чтобы проросла новая жизнь. Иначе никак.

Я присел на ствол поваленного дерева. Слезы… Пускай они текут. Я даю им волю. Пора выпустить всю чернь, которая накопилась во мне уже по самое горло.

Я скольжу пальцами по рубцам, но не смотрю на узор. Мои глаза плотно закрыты, лишь слезы просачиваются сквозь плотно сжатые веки. Ветер столь же холоден, как и воспоминания, которые с сегодняшнего дня начали умирать.

Скользя пальцами по дереву, я внезапно почувствовал что-то еще. Открыв глаза, я увидел на стволе еще один узор, сразу под когда-то оставленными мной буквами. Кажется, что это небольшой мостик.

Я вытираю глаза руками и встаю, чтобы лучше разглядеть свежие царапины. Да, это мостик, уходящий в воду. Я вспоминаю о вчерашнем причале. Необъяснимые события никак не хотят покидать меня. Теперь мне хочется навестить это место куда сильнее прежнего.

Найдя в траве небольшой камень, я соскреб им оставленное кем-то послание со ствола. Мне не хочется, чтобы кто-то еще увидел свежий рубец на коре жертвы стихии. У вчерашнего причала я могу оказаться не один.

Поднявшись к огороду, я закуриваю сигарету. Дэнис идет мне навстречу.

– Ты куда это умчался из дому, Аксей? Я только и успел увидеть, как ты скрываешься за спуском.

– Проснулся немного раньше, чем хотелось бы, и решил пройтись к реке. Там особенно красиво в это время года.

– Да, очень, – задумчиво отвечает мне брат.

– Сигарету? – я пытаюсь перевести тему. Дэнис иногда курит, но при этом всегда называет сигареты гадостью. Как обычно, и в этом случае его устами глаголет истина.

– А у тебя еще есть эта гадость?

Я достаю сигарету и протягиваю ему. Дэнис закуривает, и мы вместе идем домой. Он переживает, что мама увидит его курящим, и старается докурить как можно скорее – прежде чем мы попадем в сад.

– Где это вы были?

Мама тоже проснулась. Мы встретились с ней во дворе.

– Да решили пройтись к реке, – отвечаю я.

– И как? Замерз, я смотрю? – продолжает мама.

– Есть немного.

– Бегом в дом. Сейчас будем завтракать. Джереми уже встал.

Мы покорно отправляемся на кухню. За завтраком я сказал родным, что мне хочется съездить к озеру. Я пообещал отлучиться всего на несколько часов. Никто не возражал. Только мама просила не задерживаться. Дома много забот и моя помощь не будет лишней.

Вода в озере окрасилась в серый цвет. По его поверхности скользят невысокие волны, которые, как и вчера, с плеском бьются о берег. Внимательно глядя по сторонам, я дохожу до причала.

На скамейке лежат ключи. Это мои ключи от квартиры. Как они сюда попали – осталось для меня загадкой. Их мог оставить Насса, но на этом адекватные версии заканчиваются. Я тут же звоню ему. Он отвечает после долгих гудков.

– Здравствуй, Насса.

– Здравствуй.

– Я не разбудил тебя?

– Да, но ты сделал это вовремя. Что-то случилось? Что снова с твоим голосом? Атака кошек? – меня радует его хорошее настроение. Вчера я наорал на него, но, видимо, он понял, что это был лишь всплеск эмоций.

– Да нет. Тут такое дело, – я ненадолго замолчал, думая, как более ненавязчиво спросить его о ключах. – Не оставил ли я вчера у тебя ключи от квартиры? После приезда к родным я не выкладывал их из куртки, в которой был вечером.

– Да вроде нет. Никто ничего не находил. Я спрошу у мамы и перезвоню тебе. Может быть, она видела их.

– Хорошо, спасибо. Прости, что разбудил.

– Ничего страшного. Я же сказал, что ты вовремя, – он убедил меня в этом.

– Хорошо. Я жду звонка.

– До связи.

Я точно помню, что по приезду к родным оставил ключи в своей комнате. Я даже не раз видел их мельком. Вариант, что я потерял их, и после этого они каким-то образом попали в руки Насса – исключается. Очередная загадка. Неужели это знак того, что мне нужно ехать домой, в город? Я продолжаю послушно плыть по течению своего безумия. Пусть будет так. Сегодня же отправлюсь в город. Возможно, что это не самая лучшая идея, но я так и поступлю.

Но как здесь хорошо. Плеск воды успокаивает. Запах воды смешался с ароматом леса. Ветер снова раскачивает из стороны в сторону макушки деревьев, правда, уже не так сильно, как минувшей ночью. Из леса слышится пение птиц, постукивание дятла по дереву. В который раз эти звуки уносят меня в прекрасные края, где нет ноющей боли и страха. Прекрасный мир, чистый и простой, в котором никогда не случаются беды. Под эту симфонию я начал представлять описанные мне Насса картины.

Яника, в необыкновенном платье малахитового цвета, с босыми ногами, разрезая туман, ходит по озеру. Она молчалива, ее взгляд чист и безмятежен. На лице загадочная улыбка. Она то ли счастлива, то ли грустна – сразу и не понять. Закрыв свои огромные глаза, она раздвигает руки в стороны. Ее грудь наполняется тем же воздухом, которым сейчас дышу и я.

В моих фантазиях она всегда неотразима, но на самом деле она еще красивее. Ее мимика, ее движения – прекрасные, чарующие движения, заставляют меня неотрывно следить за ней, будто бы я боюсь пропустить что-то важное.

Сегодня меня ожидает долгая дорога. Не нужно терять время. Придется объяснить своим родным, что мне нужно срочно ехать. Они навряд ли будут в восторге.

Я подоспел домой как раз к обеду. Будет кстати подкрепиться перед дорогой. За столом сказал, что мне позвонили со старой работы и попросили, чтобы я заехал туда кое-что уладить.

Мама и братья очень огорчились, стоило им только услышать это. Мне горько смотреть на их лица. Я не хочу покидать их, но не могу иначе. После обещания, что я в любом случае пробуду в городе не больше двух-трех дней, они немного успокоились.

Но сколько мне предстоит пробыть в городе на самом деле – я не знал. Учитывая происходящее, даже и предполагать не могу, что меня ждет впереди.

После обеда я отправился к себе. Переодевшись, собрал немного вещей в рюкзак и пошел попрощаться. Братья еще более-менее спокойно отреагировали на мой внезапный отъезд, а вот мама всячески настаивала, чтобы я ехал завтра. Я бы и рад, но не в этот раз. Во мне все горит. Я хочу как можно скорее разобраться со всеми этими странными событиями. После исчезновения Яники в моей жизни впервые случилось что-то действительно пробуждающее и интригующее. Наконец-то я узнал о ней хоть что-то —пусть это всего-навсего странные и непонятные слова Насса.

Все странности последних дней я ассоциирую именно с Яникой. Скорее всего, это интуиция. А может, просто самообман, скрывающийся под хрупкой надеждой.

– Мама, ну не грусти, прошу тебя. Я ведь ненадолго, – попытки успокоить ее не приносят результата.

– Звони, когда доберешься и осторожнее на дороге!

– Хорошо, мама. Не переживай ты так. Все будет хорошо, – я нежно обнял ее. – Дэнис, Джереми, до скорой встречи, – я пожал братьям руки.

Родные проводили меня до ворот. Я машу им рукой. Пора.

Их грустные лица перед моими глазами. Как же мне паршиво. Все оттого, что я снова покидаю их. Все повторяется, как в первый раз. Мне не хочется уезжать отсюда, но каждый раз что-то вынуждает меня это делать. На сей раз меня гонит отсюда что-то по- настоящему мистическое, загадочное и волнующее. Я не могу спокойно сидеть на месте.

Как только дом скрылся за поворотом – надавливаю на ручку газа. Мне хочется как можно скорее умчаться отсюда. Ехать настолько быстро, чтобы у этого отвратительного чувства грусти не было никаких шансов угнаться за мной.

Через пару часов я оказался в городе. Просторные поля сменились фасадами домов. На смену деревьям пришли фонарные столбы, а звуки природы заглушила городская какофония. Люди, как и прежде, куда-то спешат – кто пешком, а кто в автомобиле. Лишь изредка мой взгляд встречает неспешно прогуливающихся прохладным вечером людей. Каждый думает о чем-то своем.

А потом этот запах: мне хватило столь короткого времени, чтобы отвыкнуть от него. Я забыл, что в городе цветами не пахнет. Город стонет, как падший зверь, но нам до него нет никакого дела, ведь он просто асфальт с домами. Я думаю, он бы очень обрадовался, если бы одним прекрасным утром люди разом покинули его. Без нас очень скоро он снова смог бы насладиться своими любимыми цветами: они проросли бы даже через бетонные фасады и асфальт.

Я поднимаюсь в лифте на свой этаж. Как только я вошел в квартиру – у меня тут же возникло острое чувство, будто тут кто-то побывал за время моего отсутствия. Но меня это только порадовало. Я ехал сюда с надеждой на продолжение странных событий, которые меня куда-то настойчиво ведут.

Бросив под ноги рюкзак, я включил свет. Мои глаза в поисках следующей нити. Пока ничего не происходит. Я снимаю обувь и шагаю по коридору. В воздухе запахло духами Яники. Остановившись, я сказал себе, что ими тут пахло всегда, а я просто отвык, пока был у родных. И все же, во мне загорелась надежда, что запах появился здесь совсем недавно.

Я пошел дальше по коридору и вдруг на что-то наступил. На полу лежало фото, которое раньше висело на стене. Я поднял его. Мы с Яникой в парке на той самой скамье, на которой я ее впервые увидел. Может, это и есть следующий знак? На фото дата и время. Месяц другой, а число такое же, как сегодня. Фото было сделано в десять вечера. Сейчас начало десятого. Это следующая зацепка.

Быстро обхожу все комнаты, чтобы проверить, не произошло ли в них что-нибудь необычное. Кажется, больше ничего не изменилось – вот только запах духов чувствуется в каждой комнате. Но я не стал заострять на этом внимание. Я вернулся домой, а теперь отправляюсь в то место, с которого все началось: и хорошее и плохое.

Одевшись, я буквально вылетел из квартиры. Наверное, я еще никогда так быстро и беспечно не мчался по городу на мотоцикле. Час пик, но это не мешает мне ловко проскакивать между рядами. Водители то и дело сигналят мне в спину. Я пролетаю мимо патрульной машины. В таких условиях устраивать погоню за мотоциклистом бесполезно. Они лишь проводили меня взглядом.

Нет таких слов, чтобы описать все волнение, что бушует во мне. Интрига дает мне ощущение жизни. Только благодаря ей я оживаю. У меня появилась цель, и теперь я мчусь к ней, словно ветер.

Я оставляю мотоцикл на парковке перед парком. Оттуда сразу же иду на центральную аллею. Медленно шагая, вглядываюсь в каждого прохожего. Я ищу встречные взгляды, осматриваюсь, оглядываюсь. Сейчас я, наверняка, очень странно выгляжу, но меня это не волнует.

Я все ближе и ближе к той самой скамейке, на которой одним прекрасным вечером впервые увидел Янику. Я умру от счастья, если этим вечером снова увижу ее там.

Скамейка пуста. Я замедляюсь. Внутри нарастает чувство глубокого разочарования. Усевшись на скамейку, продолжаю всматриваться в прохожих. Но ничего нового не происходит. Вероятно, сегодня я оказался здесь лишь вследствие череды случайных совпадений.

Я смотрю на этот мир. Он живет прежней жизнью, но меня уже не интересует легкий ветер, носящийся по парку. Скоро наступит ночь, но мне все равно. Родители гуляют со своими детьми. Из колонок, висящих на столбах, звучит музыка. Мир остался прежним. В нем ничего не изменилось. Только вот я теперь не могу наслаждаться всеми этими чудесами.

Я болен. Я ужасно болен. Лекарства от этой беды не существует. Я будто ослеп или оглох. Связь с реальностью с каждым днем теряется все сильнее. Мной снова овладели мысли, вос-

поминания и тоска. Я не сопротивляюсь им. Пускай они душат мня. Во мне уже не осталось сил терпеть все это.

Темнота сгущается, а я все сижу. Я бросаю взгляд вправо. Вот я иду по парку легкой неспешной походкой. Вот я начинаю пристально глядеть в сторону скамейки, на которой сейчас сижу. Я приближаюсь к ней. Куда это я? Повернув голову влево, я увидел Янику. Она держится за сведенную судорогой ногу. Вот оно что!

Я уже никогда не буду прежним. Как бы не складывалось – тот Аксей мертв. Я сам похоронил его. Пусть будет так. Теперь мне все равно. Я хочу встать со скамейки, отойти на несколько шагов, оглянуться и увидеть себя. Я хочу видеть себя с закрытыми глазами. Я хочу, чтобы мои руки свисали в стороны, чтобы моя голова была наклонена набок. Я хочу, чтобы у оставшегося на скамейке человека больше не билось сердце. Чтобы он больше никогда не смог вновь задышать. Какие чувства я буду испытывать, глядя на него? Облегчение! Чувство радости, что это несчастное тело обрело покой. Пускай вся накопившаяся в этом теле боль уйдет. Теперь эта паразитоподобная энергия исчезнет. Во мне ее тоже нет. Я ограненная жизнью душа, которая, наконец обрела покой.

Я снова чувствую ветер. Он медленно колышет мои волосы, скользит по коже и напоминает, что я еще жив. Он будто пытается сказать мне, что это еще не все. Парень, это еще не все. Придет время, но не сегодня. Так легко и быстро это не закончится.

Сегодня мне придется встать и отправиться домой. Или куда-то еще. Что меня там ждет – не знаю, но мне все равно. Фитиль догорает. Я ломаюсь, рассыпаюсь на тысячу кусков. Мне придется жить. Для многих эта фраза значит намного больше, чем сама жизнь. Для меня она практически ничего не значит. Удушающая боль по утрам, страх и ужас перед сном. А апатия станет моей верной спутницей. Я не смогу оставаться один. Родные будут переживать. Может быть, даже отправят лечиться. Вот что меня ждет.

Я открываю глаза. Народу в парке куда меньше. Вечерние сумерки. В небе виднеются первые звезды. Ветер, гонящий облака, стал прохладнее. Я не хочу никуда идти, но мне придется. Снова буду бродить всю ночь по городу.

С большим трудом мне удается встать. Почувствовав под ногами землю, я сделал несколько коротких шагов. Куда мне идти? Я все равно не смогу скрыться от собственной тени.

– Аксей, – слышу за спиной голос Яники. Неужели мне показалось? Ведь я же не сплю.

Осторожно, очень медленно я оглянулся назад. Передо мной стоит Яника. По ее лицу текут слезы.

– Аксей! – шепчет она мое имя.

Кажется, я умер и попал в рай. Она бросается в мои объятия. Мне страшно, что это сон. Я чувствую, как она дышит, как бьется ее сердце. Я чувствую ее тепло, чувствую, как она дрожит. По моим щекам потекли слезы. Я не в силах совладать с собой. Господи, это не сон. Я сейчас умру от счастья.

– Яника, это ты? – я обхватываю ее лицо своими дрожащими руками.

– Да, Аксей!

Мои ладони вмиг стали мокрыми от ее слез. Каждый хотя бы однажды испытывал сильные чувства. Но такие, как я тогда – мало кто.

Я не помню, когда в последний раз мне было так легко. Так много вопросов, но они пока где-то далеко – а сейчас я просто наслаждаюсь моментом, я его пленник, я тону в нем.

– Аксей, нам нужно срочно идти.

Совсем неожиданные слова.

– Что? Куда? Зачем?

– Любимый, сейчас нет времени на объяснения. Пожалуйста, пойдем отсюда, – умоляющим голосом сказала Яника.

Я покорно следую за ней. Зарождается интрига. До меня начинает доходить, что это действительно она, и в то же время я понимаю, что ничего не знаю о ее судьбе. Мне нужно узнать все как можно скорее.

– Я на мотоцикле, – мы идем так быстро, что я задыхаюсь.

– Я знаю. Давай ключи, я поведу.

Я протягиваю ей ключи, она заводит мотоцикл и мы мчимся за город.

Она гонит так, что мне становится страшно. Раньше Яника никогда не ездила так быстро. Она будто пытается оторваться от погони. Порой я даже оглядываюсь, чтобы посмотреть, не гонится ли за нами кто-нибудь. Она ловко проскакивает между рядами, поворачивает – и все это на большой скорости.

Я не знаю, куда мы едем. Но мне все равно. Главное, что теперь я с ней. Мне больше ничего не нужно. Я готов ехать с ней куда угодно, позабыв все на свете.

Мы въезжаем на холм. С него открывается вид на утопающий в огнях город. Яника встает с мотоцикла и бросается страстно целовать меня.

– Аксей, неужели это ты! Я уже и мечтать боялась, что у меня получится, – как же крепко она меня обнимает.

Мое смятение невозможно описать. Я не знаю, что говорить. Мне удается лишь обнимать ее, целовать, дышать ей. Из ее глаз снова текут слезы. Она крепко цепляется за мою куртку. Яника падает на колени. Я падаю вместе с ней.

– Успокойся, любимая! – я пытаюсь сделать хоть что-нибудь. Ей нужно успокоиться.

– Аксей, прости меня. Я ничего не могла поделать.

Мне становится страшно: что если Яника снова бесследно исчезнет? Теперь я и шага от нее не отступлю. Она мне еще ничего не рассказала. Да, она жива и сейчас рядом со мной, но теперь мне нужно знать все.

Она взволнована. Я начинаю догадываться, что все не так уж и хорошо. Что она пережила за это время, где она была, почему не давала о себе знать?

Внезапно она вырывается из моих объятий и направляется к краю холма. Мне показалось, что она смотрит вдаль, на город – смотрит так, будто пытается что-то разглядеть. Она разворачивается и направляется ко мне.

– Аксей, нам нужно ехать. Я все тебе расскажу. Пожалуйста, потерпи еще немного.

Еще немного? Да я готов терпеть хоть целую вечность, только бы ты снова не пропала. Мне стал ясен весь смысл, вся суть терпения. Терпение меня спасало и терпение губило меня. Порой оно хватало меня за руку и тащило через дни и ночи. Оно тащило меня словно через кусты колючих роз. Каждый час ранил так, словно в мою кожу вонзались их острые шипы. Я терпел, ждал, и, в конце концов, привык к этой боли. Она отвлекала меня, она останавливала меня, помогая оставаться в здравом рассудке.

Теперь мне не терпится рассказать всем о возвращении Яники. Как же все обрадуются! Ее родители попросту не поверят мне. Скольким людям ее исчезновение причинило боль. Я сам себе не верю, что весь этот кошмар закончился. Это настоящее чудо! Каждый день упрямого ожидания был оправдан.

Мы снова мчимся по городу. На этот раз мы едем домой. Пробок сейчас практически нет, и нам ничто не мешает ехать без нарушений. Мы отогнали мотоцикл на стоянку рядом с домом. Кажется, что мы поднимаемся в лифте целую вечность. Его скрипучие тросы ревут, точно струны расстроенной скрипки. В полумраке лифта Яника показалась мне какой-то другой. В ее внешности будто что-то изменилось. Но последний раз я видел ее два месяца назад.

Мы входим в квартиру. Яника замирает. Она разглядывает коридор, не решаясь сделать шаг. Наконец она медленно шагает по нему. На миг Яника останавливается у стены с фотографиями. Ее рука медленно тянется к ним, но замирает и возвращается обратно.

Она так молчалива. Последний раз я слышал ее голос на холме. Я терпеливо жду. Скоро я узнаю ее историю. Я заранее настраиваю себя на плохие вести. Я буду рад, если окажется, что я ошибаюсь, ну а если нет – разочарование не будет столь глубоким.

Яника идет в спальню. Я направляюсь вслед. Когда я догнал ее, она уже сидела на краю кровати. Я осторожно усаживаюсь рядом. Ее руки так бледны. Лунный свет придает им слегка синий оттенок. Я осторожно касаюсь их, боясь, что они сейчас превратятся в песок. Я боюсь в любой момент могу проснуться. Если все окажется сном – я непременно позабочусь о том, чтобы уснуть навсегда.

Яника поднимает голову и смотрит мне в глаза. У нее снова побежали слезы, но выражение лица осталось невозмутимым. Ее рука тянется ко мне. Оказывается, что я тоже плачу. Я крепко сжимаю ее ладонь и прижимаю к лицу как можно сильнее. Она закрыла глаза и тихо произнесла мое имя. Наши губы сливаются. Страсть разгорается все сильнее и сильнее. Я опускаю ее на кровать. Наша одежда разлетается в разные стороны.

Ради всего этого стоит упорствовать в своем безумии, ждать, перебарывая боль. Я вспомнил слова странного незнакомца, с которым мы встретились на футбольном поле. Именно так он мне и сказал. Может быть, Яника расскажет мне и о нем.

Некоторое время мы просто лежим в объятиях друг друга. Мне не хочется нарушать эту прекрасную атмосферу, но нам есть о чем поговорить. Яника снова садится на край кровати.

– Где ты была, любимая? Что с тобой произошло? – спрашиваю я шепотом.

– Тебе придется поверить в странные вещи, потому что все, что я сейчас расскажу – чистейшая правда, – так же тихо ответила Яника. – Ты готов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.